

Орленко Г.П.

**Воспоминания
о Святославе Николаевиче
РЕРИХЕ**

г. Запорожье
2006 г.

Воспоминания о Святославе Николаевиче Рерихе

Было время, когда я так разочаровался в людях, что они ничего не выполняют из того, о чем говорят, что мне захотелось увидеть последнего из Рерихов, выполняет ли на самом деле, хотя бы он, то высокое, нравственное, этическое, к чему он зовет и звали все Рерихи. И так сложилось, что Владыка дал мне возможность, как раз к приезду Святослава Николаевича Рериха, приехать в Москву и повидаться с ним и повидать его.

Много было до этого всего, но так, наконец, сложилось. Я много раз просил П.Ф. Беликова ну хотя бы 10 минут поговорить со Святославом Николаевичем, а он длинно как-то все мне отвечал, что к Святославу Николаевичу стремятся попасть все, со всего Союза приезжают, что к нему попасть трудно, когда он приезжает, и что он гость правительства.

Но как-то, сразу после ухода П.Ф. Беликова в 1982 году, само по себе все сложилось и мне удалось свидеться со Святославом Николаевичем. Я же говорю, что мне пришлось до такой степени разочаровываться во всех кумирах, которых мы сами создаем и сами же с течением времени свержаем, потому что они всего лишь люди, что я хотел просто посмотреть на последнего из Рерихов.

И так соединились обстоятельства, что я вышел через одну женщину на правительственного фотографа, Чиждова Дмитрия. Тогда все было полулегальным – всякое устремление к другому знанию, нежели официальное. Но все равно оно было и начинало шириться. И люди понимали с полуслова, шли навстречу друг другу, делились, чем могли, и почти все находились как бы в одном русле, в одной вибрации, познавательной и дружелюбной, за исключением некоторых, которые, так сказать, выпадали из этого. Но таких было мало. Йога только входила в жизнь – сначала Хатха-Йога, а позже и другие йогии, – все это будоражило умы, все это уже пошло, потекло, и его нельзя было остановить. Все же поначалу новой информации было очень мало. Поэтому когда приезжали к кому-то, у кого был листок какой-то, половинка листа напечатанная или от руки написанное, или еще что-то на фото снято, или какая-то фотография чего-то, какого-то текста на необычную тему, то сразу все передавалось друг другу, делились всем этим.

Раз в году, будучи в отпуске, я запускал себя туда, где только о чем-то слышал: в Москву, в другие города, как только появлялась возможность с кем-то повидаться. В общем, тогда была большая тяга к знанию, и постепенно она возрастала.

И в 1982 году все соединилось. Чиждов дал телефон Калугиной. Сказал, что она тоже всем этим интересуется, что у нее трое детей, 3-х комнатная квартира, что можно у нее заночевать и дал адрес. К тому же он сам с ней созвонился, затем я с ней созвонился, можно ли приехать, поговорить и т.д., и

поехал к ней. Фактически через нее потом и получилась встреча со Святославом Николаевичем Рерихом. Конечно, не сразу, довелось несколько раз ездить, потому что она знала о визите Святослава Николаевича – ее мать работала в правительстве, по физо, кажется, в общем, какой-то чин в Кремле. Самой Калугиной было тогда лет 30, она была разведена и находилась на каком-то внутреннем перепутье. Сообщила, что год была в шоке от развода и т.д. У нее был совсем маленький ребенок. Она выносила его на балкон в стужу, закутанного, и он лежал там в коляске. И я видел, как люди севера закалывают своих детей для этой суровой жизни, температурной, северной, в Москве. Между тем она рассуждала о том, о сем, что-то говорила о сроках приезда Святослава Николаевича, о своих товарищах, подругах, и я принимал участие в этом разговоре. В первый раз мы поговорили, затем в другой раз я приезжал, в третий.

Она говорила, что вот он будет, Святослав Николаевич, но почему-то его не было. Я уезжал обратно в Запорожье. Потом, наконец, сложилось так, что осенью 1982 года он приехал. Притом Калугина всегда знала первая, что он приезжает, от матери, потому что он приезжал как гость правительства.

В этот раз мне случилось приехать в Москву днем, целый день провел у нее, а около 4-х часов вечера она стала причесываться и вдруг говорит: «Значит так. Он прилетает из Германии, из ФРГ, на Шереметьево-2 (аэропорт в Москве). Ехать тем-то и тем-то, автобус идет оттуда-то, сесть, доехать и там ждать в вестибюле внизу, на первом этаже. Затем подняться на 2-й этаж (сказала, с какого входа подняться по одной лестнице, потом по другой) и там перед входом стоят две женщины, типа стюардесс, в синих одеждах и пилотках. Они сразу кинутся к вам, когда вы подойдете к двери. Так как там больше никого не будет, то на их вопрос: «Вы к кому?» - уверенно скажите: «Я на встречу со Святославом Николаевичем.» И они пропустят». Так оно и было! И у меня такая какая-то уверенность через нее пришла! Это Владыка дал мне такое! Потому что я еще как-то чувствовал себя неловко и не знал в этих ситуациях, как себя вести. Но пришла какая-то такая волна через нее, такое равновесие, такая уверенность, спокойствие, как будто меня окутала какая-то энергия, и так оно в сущности и было. Как под колпаком я был этого спокойствия и уверенности, как защиты от всего. И я поехал. И еще она сказала, что «мы первые встретим на правительственной машине Святослава Николаевича и первые поговорим с ним в гостинице, мы всегда первые встречаем его».

Не знаю, как звали ее мать, но о матери было сказано: «Мать моя жесткая, властная, но как только речь заходит о Высшем, она вся преобразается, стремится к Святославу Николаевичу при его приезде, и так у них сложились хорошие отношения.»

Был уже вечер, когда я приехал на Шереметьево-2, добирался туда часа два. Долго ждал. Потом в какой-то момент времени, точно не помню, кажется, было 10 часов вечера, когда объявили, что прилетает из ФРГ самолет. И я

пошел просто туда, наверх. Одна из двух так называемых стюардесс, приставленных к этому делу, бросилась ко мне со словами: «Вы к кому?» Я уверенно говорю: «Я на встречу со Святославом Николаевичем», - и она сразу повернулась и ушла. Так это было чудно мне. Вошел я в очень большой зал. Справа в нем располагалось небольшое кафе, типа киоска такого внутреннего, начиненного напитками и прочим. Выход от самолета в наш зал был округлый, полудугой. В зале находилось человек сорок элиты Москвы, как я потом понял. Я лишь стоял и смотрел, это было все, что я делал. Немножко мы подождали, и вскорости по округлому проходу вышел к нам Святослав Николаевич Рерих. Первый вышел, седой, как лунь, с острой бородкой, в светлом костюме, в таких же, в тон, бежевых туфлях, с плащом через, по-моему, левую руку. И я увидел, что он уставший. К нему сразу же устремилась полная женщина в кожанке, такой светло-коричневой, расшитой, как у царей, крупное мужицкое лицо, узкие глаза, и я еще с небольшой досадой подумал: «Чего это она первая подбежала к нему?» И давай челомкаться с ним - вот он так одну щеку подставил, она чмокнула, потом другую подставил - чмокнула. И потом как-то мило так было, так кверху чуть распрямылся: «Ну все, все!» - сказал - так естественно, просто, и она сразу же и отлипла. Оказалось, что вот такая внешне притязательная женщина, с моей точки зрения, в роскошной расшитой дубленке (у нас тогда еще эти дубленки были грубые, черные и просто обычного цвета, как они есть, и без всяких расшивок) есть сама Григорьева, знаменитый кинорежиссер, которая снимала первый черно-белый документальный фильм о Рерихах, одним словом, знаменитость. Вот таково наше восприятие и реальная действительность. Затем начали другие подходить, и точно такая же процедура была. Он прошел вперед метров на пять, после - садился, вставал, его окружали, что-то говорили, спрашивали. А я все смотрел и смотрел во все глаза. Видел там и Шапошникову Людмилу Васильевну, она почему-то располнела за последние полгода, подходившие говорили с ней об этом, и она сама подшучивала над своей полнотой. За Святославом Николаевичем шла Девика. Она была ниже его ростом, с круглым индийским пятнышком на лбу, черные волосы, крупное лицо, большие глаза, большие губы. Ее тоже чествовали, но больше к Святославу Николаевичу все льнули. Окружат эдак человек десять. Сначала один подходит или одна, потом ещё два-три и уже смотришь - пять-десять. Он ходил, садился, отвечал на вопросы, так продолжалось сорок минут и я имел возможность всех их рассмотреть. Вначале еще Сидоров подошел (я уже знал и Шапошникову, как она выглядит, и Сидорова), и Святослав Николаевич сразу у него спросил: «А где мы остановимся? Куда нас поместят?» - серьезно так спросил, обеспокоенно и как бы с тревогой в голосе - позаботились или не позаботились. Такое у меня было ощущение. И Сидоров, с широкими губами, курносый, с широким лицом и гладкими волосами, посередине с пробором - все это шевелится, подвижный: «Как всегда, - ответил, - в отеле «Советском». «Отель «Советский», - повторил, и Святослав Николаевич (я на лицо смотрел) как-то сразу успокоился,

продолжая дальше беседовать с подходившими. Все это время я наблюдал всю эту элиту, ибо фактически это и была элита. Конечно, я мало кого знал. Там были молодые, среднего возраста и пожилые обоих полов; женщины в разных одеждах: и утонченные, холеные, и другие, более грубого вида, разного роста и возраста. И все старались подойти к Святославу Николаевичу и задать вопросы. Мне сразу бросилось в глаза, что когда Святослав Николаевич отвечает на вопросы, то как-то так ответит, что сразу всем все ясно становится, полностью все удовлетворены. Отвечал кратко. Улыбнется и ответит. Все гудят, гудят вокруг него. Помню, как стояла Шапошникова и еще вокруг него человек восемь, спрашивали о Болгарии. В то время ведь Тодор Живков был у власти, а его дочь Людмила, говорили, была двигателем рериховского движения в этой стране (слухами Москва так быстро наполнилась, что все говорили обо всем, обсуждали все, что где происходило, и особенно касательно Рерихов: где рериховские приверженцы, там какие-то уже зацепки происходили, кто-то поддерживал в правительстве, кто-то был врагом. Даже мне показали тогда на фотографии: «Вот это враг Святослава Николаевича (но я не запомнил его лица), который все время мешает ему наезжать в Советский Союз, а по приезде следит за ним, козни всякие строит!»).

Людмила Живкова как раз в это время погибла, и получалось, что рериховское движение в Болгарии пошло на убыль. Кто заменит её? Святослав Николаевич ответил, что он был там и знает все. В Болгарии есть молодой человек из правительства (он его назвал, кто он и что, сейчас я не помню ф.и.о.), довольно перспективный, и что у того есть черта – все, что только надо сделать, он сразу проводит в жизнь (каким бы он ни был в другом). Окружающие Святослава Николаевича вроде бы частично удовлетворились ответом, а потом опять посыпались вопросы на эту же тему. Шапошникова спрашивает: «А потянет ли он?» - еще кто-то по ходу что-то добавил. А Святослав Николаевич как-то махнул рукой справа налево, движение тела в малой степени тоже сопровождало движение руки, и однозначно сказал: «Никогда не следует желать слишком много!» И как-то все разрядилось, всем стало все ясно, уже вопросов никаких не последовало на эту тему, все отхлынуло от него и разошлось.

Затем я видел, как к Девике подошел один худощавый мужчина, и они разговаривали по-английски (он есть на фотографии), после он подвел ее к киоску, и они там из широких фужеров, типа пиал с ножками (он наливал в них из бутылки), пили какой-то сок, или напиток, или воду. Она слегка касалась фужера большими губами, иногда что-то ему говорила, но очень кратко, а он все подлащивался к ней и все говорил о чем-то, очевидно, шутил. Ибо однажды она тронула его так мягко рукой, как бы журя при этом, улыбнулась слегка: «Ну что ты, мол, это?!»

Святослав Николаевич то садился, то ходил, то стоял. Его окружали, спрашивали. Я продолжал стоять и наблюдать за всеми, но в основном смотрел на Святослава Николаевича и Девуку – как с ними разговаривают, как сами они

говорят с людьми. Однозначность их ответов так и врезалась мне в память. Ну как-то ничего не хочется больше спрашивать, всем все ясно. Меня это поразило. Потом эта лаконичность и еще какая-то такая стенка, психологическая, за которую он не допускал. Она чувствовалась, она существовала, какая-то незримая, конечно, им создаваемая, вызывающая к нему уважение. Он ее сам ставил, чтобы не переходили за эту грань. И люди это чувство вали, хотя он отличался простотой в общении – и за руки брал, и его брали, и под руку, но тем не менее как-то все время чувствовалось, что он был как бы отдельно от всех. Со стороны же всех именно уважительное отношение было к нему.

В продолжение общения и различных разговоров был такой момент, когда я, смотря во все глаза, стоял метрах, примерно, в десяти, а то и больше, как вдруг Девика стала пристально смотреть на меня. Смотрит, смотрит, потом чуть так шевельнулась и говорит рядом стоящей что-то. Несомненно, что речь шла обо мне, ибо та сразу подбежала ко мне и сказала: «Подойдите!» - и на ходу спрашивает: «Откуда Вы?» Я отвечаю: «Из Украинь». Затем подошли и та опять спрашивает: «Откуда Вы?» - уже громче. Я говорю: «Из Украинь», - и смотрю прямо на Девикку. Сопровождающая ей перевела. Девика еще раз внимательно посмотрела на меня – и все на этом закончилось. Наверное, потому, что я во все глаза смотрел, она и обратила на меня внимание. Еще я заметил юмор у Святослава Николаевича – возле него всегда улыбаются. Вот он скажет что-то, и все улыбаются, ответит на вопрос – и рассеиваются. Только разошлись, смотришь, еще кто-то робко или посмелей опять подходит, начинает спрашивать. Святослав Николаевич останавливается, начинает отвечать, и что самое интересное: руки всегда у него были впереди; висит плащ на руке, а ладони впереди вместе или несколько разъединены, и начинает говорить. И тут же кто-то подходит еще и еще, опять человек 5 – 10, а то и больше, двадцать, слушают. Короче говоря, окружают его, пока он, наконец, раз – ответит однозначно – и все расходятся (как отлив и прилив волн, по-разному, но ритмично набегающих на берег), все уже всем понятно, нечего больше спрашивать и познавать. Только схлынет одна волна, новый подходит вопрошатель, и так все время, все 40 минут! Безусловно, это незабываемо.

Мне посчастливилось видеть Рериха и все окружение его, а правительственный фотограф все это запечатлел на снимках. Он всех фотографировал для КГБ. Когда Святослав Николаевич приезжал как гость правительства, их возили с Девикой в длинной черной машине и всегда с переводчицей. Кто она, я тогда не знал еще, но она была от них, и всегда Румянцева.

В мае 1982 года ушел П.Ф. Беликов, у меня есть 60 писем от него. Я сразу же поехал в селение за Таллином, где он жил, поговорил со всеми, в том числе и с Кириллом, его сыном. Он работал простым слесарем, как и я, на котельной. Говорили, и не раз, что он пил, курил и т.п., и что дела его отца его не привлекали. А после ухода П.Ф. Беликова, чтобы заработать себе хоть какой-то

имидж, он «уселся» на его архиве. Ведь П.Ф. Беликов контактировал со многими в Союзе, где мог и с кем-мог, по распространению Агни-Йоги и написал книгу «Н.К. Рерих», которая вышла в серии «Жизнь замечательных людей». Тогда в Союзе Николая Константиновича Рериха и всю семью считали эмигрантами. Книга была издана совместно с Князевой, но Кирилл сказал, что он один ее написал, а Князева только протолкнула ее в печать. Но как в свое время говорил мне Смирнов-Русецкий: «Заслуга П.Ф. Беликова в том, что он выпустил эту книгу, и климат в правительстве потеплел». И уже после было (впервые в Союзе) чествование Рериха – праздновали 100-летний юбилей со дня рождения в 1974 году, и так уже пошло и пошло. Другие люди, конечно, тоже работали, энтузиастов тогда было уже много и на разных постах – режиссеры создавали первые документальные фильмы о Рерихе: Сергиенко Роллан у нас на Украине, Григорьева – в Москве и др., заявляли о себе писатели и поэты. Но книга тоже сделала свое дело.

Павел Федорович Беликов много поработал в отношении распространения Агни-Йоги и продвижения в сознание того времени Имени Рериха. Кирилл же при этом палец о палец не ударил. И он, как бы ранее всегда будучи под прикрытием заслуг и под опекой отца, который тащил его за волосы, вдруг остался один и не знал, как ему жить и что делать.

И вот я наглядно видел его поведение в Москве, его психологию, и как Святослав Николаевич, когда приехал в Москву, повел себя с Кириллом. Я видел, как Кирилл все время ждал, когда выйдет Святослав Николаевич. Сразу не подошел к нему, выжидал. Он не знал, как тот к нему отнесется – благосклонно или нет. Это было видно однозначно на его лице. Прошло минут двадцать. Общение со Святославом Николаевичем продолжалось. При передвижении по залу Святослав Николаевич, наконец, как-то сам оказался напротив Кирилла. Тогда Кирилл робко подался вперед, а Святослав Николаевич, увидев его, до того душевно обратился к нему, как отец родной, понимая, что у того ушел отец, его состояние неустроенности, неуверенности в себе, как у ребенка, который остался как бы без ничего. Вот так он к нему отнесся, обласкал его и взглядом, и словами какими-то. Я стоял невдалеке, метрах в трех, и все видел. А Кирилл, получив порцию доброжелательства и понимания, расправил плечи и сразу обнаглел и заважничал, что и подтвердилось вскоре, и не раз впоследствии. Все было в точности, как Владыка говорит: «Только успеешь ободрить, как надо следить, чтобы не зазнавался».

На деле люди всегда остаются теми же людьми, касаются ли они Агни-Йоги, Вед, Гермеса или других высших источников, остаются эгоистами и очень бдительно следят только за тем, чтобы их шкура, их положение были и в сохранности, и на виду. Вот эта мелочность и самовлюбленность сознания. И такой был и Кирилл. Вот такие рвутся к власти. Но Владыка сказал: «Все глупое и тщеславное к власти устремляется, но Наша власть иная. Наша власть – жертва».

Не надо думать об отсебятине, но признак высшего сознания, или более высокого, чуть более высокого – именно в давании. Кто постоянно только для себя, для себя – есть просто эгоист. Какая разница: это интеллигент утонченный или грубый человек? Это свойственно всем уровням.

Я поехал в Москву посмотреть последнего из Рерихов. И видел его окружение. Все говорят о высоком, и все корыстные, и всем неинтересен труд другого человека; говорят, что вроде бы ценят, а на самом деле ценят только свой. Глаза тухнут, как только ты говоришь радостно о чем-то своем, и не радуются твоему. Поголовно все. Иногда бывает тяжело это воспринимать. Когда будто бы не видишь, это не действует. Но иногда, бывает, очень остро это ощущаешь и не согласен чем-то далеким, далеко спрятанным, внутренним. Хочется, чтобы все друг другу были друзьями и улыбались, и шли навстречу, не пакустили, как-то помогали, не осуждали, чтобы была взаимопомощь.

Потому я и поехал к последнему из Рерихов посмотреть на него, потому что я был в таком жутком состоянии в отношении людей, замыкался, обижался. Везде шел открыто, я открытый человек – в этом все дело. Мне плевали в душу, кто только хотел, насмеялись. Не говорю, что золото, но я тоже человек, только открытого типа. Между прочим, П.Ф. Беликов как-то написал мне: «Вы доверчивы!» Раза два в письмах мне писал. Но что я могу поделать, если я такой родился. Что, нужно обтирать об меня ноги? Но более проницательные всегда думают о себе и не сжитаются с другими без выгоды.

Рерих всему миру принадлежит. Поделили Христа, уже поделили и Рериха. Эти рериховские общества!.. Да ничего кошунственного не произношу. Просто противно смотреть. Есть просто люди, которые хотят власти, хотя бы группкой маленькой владеть и быть сверху. Председатель, как правило, с горящими глазами (и инертная паства в количестве 10 – 15 человек), бдительно следит за своей паствой и другими председателями с такими же глазами. Борьба за сферы влияния. Один Рерих – четыре общества в городе. Недавно услышал: в Петербурге – четыре общества (2005 год сейчас), в Одессе – четыре общества. Я знаю, как самое первое Украинское Общество в Киеве тоже разделилось на два. Я знаю всю эту историю.

На Шереметьево-2, под конец встречи (всего, повторяю, она длилась 40 минут), я все же решил подойти к Святославу Николаевичу. А до этого был интересный момент. При первой попытке он меня увидел метрах в 3 – 4 – х и понял, что я хочу подойти. Я попытался подать ему руку. И только моя правая рука начала движение вперед, я заметил, что и его правая рука (на тот момент свободно опущенная вниз) тоже пошла вперед. Но только я не решил и моя рука отодвинулась назад – и его рука тут же отодвинулась назад. Вот такая чувствительность в отношении людей. Он их видел, их состояние и реагировал по их действиям. Возле него стояли тогда другие, и я не решил. Но после, выбрав момент, когда около него никого не было, я подошел, и он подал мне руку. И я начал говорить, что мы пытаемся что-то делать и, в частности, давно уже ищем том «Писем Е.П. Блаватской к Синнетту» для перевода с

английского на русский моей супругой. (Много позже, уже в начале 90-х годов супруга перевела с английского другие Письма Махатм – составитель С. Джинараджадаса, - не вошедшие в ранее изданный том «Писем Махатм к Синнетту». Два перевода вышло в издательстве «Сфера» в 1996 году: под названием «Письма Учителей Мудрости» и в 1999 году под названием «Учение Махатм»). Ни у кого этого тома не было в Союзе, и я спросил у Святослава Николаевича об этом. И он сказал: «Поможем».

Но дело в том, что почти сразу подбежал Кирилл Беликов, как только увидел, что я подошел к Святославу Николаевичу. Подбежал и сразу же помешал, вот просто помешал, ревниво помешал разговору. Бесцеремонно вклинился в разговор, сознательно отвлекая внимание Святослава Николаевича на себя. И потому дольше я не смог говорить – отошел в сторону.

А на второй день, уже в музее Востока, на Обуха, улучив момент, когда я только что вышел из здания музея во двор и оказался один, Кирилл подскочил и выговорил мне: «Зачем ты подошел к Святославу Николаевичу?» Мы – аборигены Австралии, если вообще не прокаженные. Мы живем где-то там, на краю Ойкумены. Этим элитным можно подходить к Святославу Николаевичу, а нам – нельзя. И далее допытывался, видно, что подслушал из нашего разговора: «Почему ты спрашивал его о книге? Почему ты не обратился ко мне?» А сам он ничего не мог. Вот какое это самолюбие ужасное у тех, которые хотели быть первыми возле Рерихов. Они все толклись около Святослава Николаевича. Я видел эту элиту – она старалась не пустить других к себе. Поражают эти наши чисто человеческие черты – первыми все схватить. В христианстве, когда была Тайная вечеря, ученики – прославленные потом апостолы – что они делали? Они ссорились друг с другом, чтобы ближе сесть возле Христа, которого, знали, завтра распнут ужасно на кресте. Дикий и жуткий эгоизм человеческий... И их вопрос: «Кто же более велик?» И Он ответил: «Тот, кто более велик в терпении».

Прошло минут тридцать. Святослав Николаевич забеспокоился и говорит: «А что нет никак саквояжа?» Кто-то спросил: «Может, там не написано?» На что он ответил: «Да на саквояже вот такая бирка – РЕРИХ». Прошло еще минут десять. Из уже упомянутого округлого коридора (выхода из самолета в зал) вышли три человека в форменных фуражках, гимнастерках и галифе цвета хаки; идут один за другим, немножко сгибаясь, виновато улыбаются, один несет саквояж. Там того саквояжа, ну как обычный портфель ученический, только чуть больше – выше и длиннее. И на нем огромная бирка: РЕРИХ, белая, привязанная прямо к ручке. Отдает Святославу Николаевичу. Все трое какие-то чины, не простые солдаты.

После этого Святослав Николаевич долго не оставался. Вскорости распрощался, быстро пошел с Девикой к машине и все – они уехали.

На обратном пути в Москву я сидел в автобусе с одной женщиной. Мы разговорились с ней, делились впечатлениями о встрече. В какой-то момент беседы я обронил: «Так у него же юмор!» Она ко мне вдруг резко повернулась.

Думаю: «Чего это она?!» И говорит: «Так вы же учтите, - так серьезно, - какой юмор!!! Он же к месту и ко времени, тонкий, ничего лишнего, точный!» Она мне так и запомнилась. И еще добавила: «Да они как не от мира сего!» Знаменательно то, что не одна она так говорила, я слышал это и от других. Потому что Рерихи были носителями совсем других ценностей (не наших обычных), других отношений между людьми, другой, высшей Культуры, память о которой глубоко спрятана у каждого из нас и наружу выходит лишь как мечта. Ведь мы восхищаемся ими, тянемся к ним, как к надежде на лучшее устройство жизни и лучшие отношения между людьми. Если бы у нас этого не было, чем бы мы притягивались к ним и восхищались ими?

Все смотрят на Святослава Николаевича, как он ведет себя, как ходит, вроде обычный человек, и в то же время видно было, что он необычно ведет себя, не так, как все мы. Легко, просто и в то же время эта стенка, за которую как бы не позволялось заходить (все это чувствовали), этическая, уважительная, когда человек уважает другого, хотя там были очень разные люди, и даже не стесняющиеся, которых я видел потом не раз. Они запросто подходили к нему, не церемонясь, но все равно, у Святослава Николаевича что-то невидимое было, что этически влияло на других таким образом, что они вели себя лучше, и это было его же защитой – я так понял.

На другое утро, после того как я переночевал у Калугиной, от нее же я узнал, что в Музее Востока, на улице Обуха, в старом двухэтажном здании будет лекция. Святослав Николаевич придет в 10 часов. Раньше я слышал, что в музее на втором этаже есть зал, вмещающий 100 человек. Самое интересное было то, что в этот раз много людей еще не знали, что он приехал.

Часто выходило так, что Святослава Николаевича ждали, допустим, 7-го числа, а он приезжал на неделю раньше или позже, а то и на две. Но когда уже точно знали, то в лекционном зале на 100 человек и на лестнице, от второго этажа до первого, и на первом этаже было столько народу, что, как говорится, не протолкнуться. А мне Владыка дал, повезло, что я видел и слушал Святослава Николаевича на другой день в этом зале, где было еще с десяток свободных мест. Я сидел в середине и присутствую на фото. Чижков постоянно фотографировал всех. С осветителями, часто очень близко от лица Святослава Николаевича ставил лампы, щелкал затвором. Святослав Николаевич старался не реагировать на это. В глубине продолговатого зала стояло три стола. В центре сидел Святослав Николаевич, по его правую руку – Девика, по левую – Румянцева. И тоже 40 минут, как в Шереметьево-2, длилась его лекция. Но в сущности это была не лекция, а ответы на вопросы, то есть живое общение. Сразу появились вопрошатели и задавали вопросы до того разные, в том числе и о Шамбале. Тогда слово «Шамбала» было на слуху у всех, начинало входить в жизнь, будоражило, и за этим же и следили, мы старались не произносить его в открытую – такое было время – только друг с другом. А тут один высказывает (худой такой, вихрастый, продолговатое лицо, острый подбородок, весь прыщавый какой-то, как у нас иногда говорят в шутку

– встретив на улице, прошли бы мимо и не заметили бы его. Или как Аркадий Райкин говорил в миниатюре о дефиците: «Мы купили. Мы его не любим, а он тоже купил») и спрашивает у Святослава Николаевича: «А Вы мне скажите о Шамбале. Что это такое?» Ему скажите!!! Так он, что, один раз?! Три раза вставал и задавал один и тот же вопрос. А Святослав Николаевич каждый раз ему отвечал: «Да, дорогой!» И это было так просто, однозначно, так мило как-то, потому что шло оно не казенно, а из сердца. Я приехал домой и попробовал повторить – ничего не вышло. Только спустя несколько лет что-то начало получаться в той интонации, в той манере, в которой он говорил. Вот так необычно. И это было у него – сердечное обращение – к каждому человеку.

И лишь на третий раз Святослав Николаевич ответил на этот вопрос. Но как он ответил...

Позже я был в Барнауле, на Алтае, у Цесюлевича, ученика Юрия Николаевича Рериха. Его жена Илза -- младшая дочь Р. Рудзитиса, знаменитого председателя Рижского рериховского общества, который общался с Рерихами напрямую. Это и в Америке у Фосдик были лучшие общества имени Рериха на Земле. Цесюлевич, когда услышал, что я был, видел и слышал Святослава Николаевича, и как этот вопрошатель спрашивал о Шамбале, то сразу меня перебил и говорит: «Так это надо понимать, как Святослав Николаевич ответил!» Мол, в такой ситуации неблагоприятной вокруг – все было нельзя.

Святослав Николаевич ответил мягко и издали. Сказал, что вот мы что-то знаем. У нас есть наш уровень, наши ценности, наше знание, по которому мы строим жизнь. Примерно так и ответил. Но бывают же люди среди нас – гении, которые больше нас знают, больше нашего среднего уровня. И мы встречаем в истории тех, которые еще больше знают, - и мы называем их мудрецами и пророками. Но можно предположить, что есть еще более развитые люди, и они еще больше знают. Вот в таком духе он ответил, что могут быть люди, знающие намного больше нашего уровня.

Теперь маленький нюанс на лекции. Святослав Николаевич отвечает на вопросы, слева от него Румянцева, справа – Девика. И вдруг я понял, что Девика ничего не понимает по-русски. Но как жена она должна сопровождать мужа в поездках и, когда приезжает в Россию, то просто не понимает, о чем идет речь. Она только по-английски понимала. И ей как бы скучно. Вот сидит, сидит, потом обратится за спиной Святослава Николаевича к Румянцевой. Та наклонится и ей что-то ответит. Потом все больше. Это мешало Святославу Николаевичу, ибо он говорит, а они тут же, за его спиной, о чем-то шушукуются. И в какой-то момент Святослав Николаевич повернулся к Девике, губы его пошли вперед: «Что ты, что ты, что ты, что ты», - выговорил ей, и она так и застыла, ну как дитя нашалившее. И эта детскость, все говорят, есть признак святости, не примитивность, а непосредственность. Я видел это у Девики. Я тогда все замечал.

И был еще момент. Вижу: Девика медленно наклоняется, а сама смотрит в зал, и я понял, что у нее зачесалась нога, ей надо ее почесать во что бы то ни

стало, ну мочи нет терпеть. Наконец тихонько достала то место – и такое блаженство разлилось у нее на лице!!! Ну, как тут не улыбнуться.

Лекция-общение продолжалась. Спросили: «Есть ли на Земле особенные дети, очень способные, и много ли их?» Святослав Николаевич ответил: «По роду своей деятельности я курирую школы по всему миру». И продолжил: «Да, таких детей много». Потом лицо его посуровело и, подняв указательный палец правой руки, произнес: «Но надо очень беречь их».

Еще запомнилось, как он сказал, что «каждый из нас мечтает о некоем старце, таком мудром человеке, к которому можно было бы обратиться в трудный момент жизни и чтобы он по любому вопросу мог дать совет, помочь, утешить, подсказать что-то, и вот таким для меня был Николай Константинович Рерих».

И еще он сказал о Николае Константиновиче, что у него был настолько разносторонний талант и что он практически касался стольких многих областей жизни, что легче перечислить, чего он не касался и чего он не знал. Всохватывающий ум, применявший в жизни все, о чем говорил.

Удивительно, что когда Святослав Николаевич приезжал в Союз, он непременно появлялся в передаче «Время», вещавшей с Останкинской башни в Москве. Ему давалась минута времени (я засекал), на телевидении все ведь кратко подается. И вот за эту минуту (я всегда поражался) он мог сказать так много, так насыщенно (каждая фраза отточена) о Николае Константиновиче Рерихе. Он просто чеканил эти фразы с небольшими паузами. Скажет, и пауза, скажет опять – и пауза, и всегда получалась такая ясная, какая-то краткая и образно-понятная яркая картина о Большом Красивом Человеке, каким был Николай Константинович Рерих.

Были и другие незначительные вопросы, они не удержались в памяти.

Под конец он, как бы подытожив, сказал: «И Николай Константинович, и Елена Ивановна, и Юрий Николаевич, а потом чуть запнулся – о себе же не скажешь «и я» (я потом понял – так это мило) – и тут же нашелся. Махнул рукой и говорит – да и вся наша семья оставили столько, что хватит питать духовно многие и многие поколения в будущем». И это дословно я помню.

Потом он встал и начал идти по проходу. Кто-то рядом произносит: «Николай Константинович сказал: «Красота спасет мир». И вдруг всегда такой мягкий и спокойный в общении Святослав Николаевич резко к нему повернулся и сказал: «Николай Константинович никогда такого не говорил. Он всегда говорил: «Только осознание Красоты спасет мир». И дальше продолжал движение.

У Румянцевой в музее на втором этаже была комната. Говорили, что она там держит самые лучшие картины Н.К. Рериха и никого не пускает. И Святослав Николаевич туда зашел – она пригласила его на чаепитие. На входе поставила двух своих верных женщин, которые пускали людей только выборочно. Спрашивали: «У вас есть конкретно что сказать Святославу Николаевичу? У вас есть программа?» Кто-то говорил: «Да, у меня есть», - и

проходил. И туда вошло человек 15 – 20, и минут двадцать они там находились. Мы же ходили около этих дверей, как аборигены. Нас туда не пустили, хотя в фойе осталось тоже человек 10 – 15 примерно. Я попытался было сунуться, но на вопрос: «Есть программа?» – промолчал и отошел. Была среди нас поэтесса из Казани – молодая, узкие глаза, круглое лицо, по-видимому, бурятка или удмуртка – говорили, что она прекрасно пишет, – и ее тоже не пустили. На фото она есть: стоит возле двери, как и мы все, ждет. А они там чаепитничают. Но я видел, что Святослав Николаевич тяготился этим и туда шел неохотно, а Румянцева его как бы тащила, тащила. Улыбалась: «Вот давайте мы пойдем, у меня там – я Вам покажу, что я тут сделала». И затащила его. Он там что-то кратко говорил. И, в сущности, все быстро оттуда вышли.

И был еще такой момент. Когда открылась дверь, то я увидел Святослава Николаевича, стоящего недалеко от двери и разговаривающего с кем-то, потом еще подошел кто-то, потом еще. И я наблюдал, как он разговаривает. Он стоял всегда прямо, его особенность – ровно так стоял и руки впереди, сложенные ладони, как в намасте, только ниже груди. И когда слушал человека, то всегда смотрел несколько в сторону и вниз. Иногда прямо посмотрит и снова взгляд в сторону, слушает. А когда говорил, ладони то сходились, то расходились, то застывали. Он был весь в каком-то внутреннем движении, стараясь донести то, что хотел сказать. Тело слегка двигалось, но когда слушал, то снова застывал со взглядом в сторону и вниз. Затем к нему подошел профессор Юрий Николаев, который вел клинику голодания в Москве своего же имени. Маленький такой, лет шестидесяти. Начали разговаривать. Проходит минута, вторая. И в какой-то момент вижу, что Святослав Николаевич как-то вздрогнул, как бы во все стороны из центра груди, из сердца, вибрация пошла, распрямился и говорит: «Нет, этого я не могу!» И это было так однозначно! По приезде домой я пытался повторить, но, может быть, сейчас только, спустя годы, могу это симитировать, сразу же не получалось. Такая стопроцентная, абсолютная однозначность ответа, что невозможно обидеться, просто отказал и все. А мне тогда, в те годы, сказать «нет» было до того неудобно. Получалось, что сделать не могу и не могу человеку отказать. И так это дергало меня, во все стороны раздирало. Когда же я увидел, как он говорит «нет», то, конечно, поучился, и потом это уже помогало мне жить.

Видел, как он говорит «да», и все понятно, и не нужно больше задавать вопросов, как он «нет» говорит – и не хочется больше спрашивать. Это был последний из Рерихов, младший сын Николая Константиновича и Елены Ивановны – Святослав Николаевич Рерих. После этой встречи я как-то успокоился, и пришла какая-то уверенность.

В музее после лекции Святослав Николаевич пробыл еще примерно час или полтора и часов в двенадцать, половина первого, уехал. За это время он осматривал залы. Ведь в это время в музее на втором этаже демонстрировалась выставка, посвященная 80-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха. Перед входом в музей большая, 2 x 3 метра, афиша, на втором этаже двадцать

столов со стеклянными крышками. В каждом столе лежало по 4 – 5 книг тибетских, привезенных из экспедиции. День рождения Юрия Николаевича 16 августа, он Лев по гороскопу. Святослав Николаевич как раз приурочил свой приезд к этим дням, кажется, в начале сентября 1982 года (не позже 15-го числа, дату точно не припомню).

Запомнилось еще одно примечательное. Мы все ждали, пока он выйдет из очередного зала. Затем подходили и спрашивали, спрашивали. Как-то оказался я в довольно большой квадратной комнате, метров 8 x 8, двери в которой были расположены по диагонали (вход и выход). Я в двух – трех метрах в стороне от одной двери. Внезапно из противоположной появляется Святослав Николаевич. Около него человек пять, останавливается, отвечает им что-то, и они расходятся. Он начинает идти по диагонали к противоположной двери. И вдруг где-то на середине комнаты я вижу: шаг, другой, третий – и он поникает. Тело несколько оседает, как-то сверху вниз. Я не говорю, что он падает. А то можно так подумать. Нет. Просто сжимается, как бы придавливается чем-то, а чем – это сразу было видно – усталостью. И он словно тухнет. Шаг, два, три – как будто теряет в это время контроль из-за усталости. И буквально на четвертом спохватывается. И такая изнутри во все стороны вибрация – точно, как когда он разговаривал с профессором Ю. Николаевым и сказал ему: «Нет!» - такая же вибрация изошла из центра груди, из сердца (то есть уже контроль сознания пошел, так как на людях нельзя показывать, что ты устал), во все стороны: вверх, вниз, вправо, влево, как будто лучи из груди во все стороны изошли. При этом он вздрогнул и распрямился, и следующий шаг – более уверенно, увереннее, совсем уверенно и пошел дальше тем же бодрым шагом, каким вошел в эту комнату. Это я сам видел. Уже после я прочел в журнале «Москва», где Сидоров писал, что в конце дня общения с людьми Святослав Николаевич до того бывает энергетически высосанный, что приходит в гостиницу и падает как бы замертво на постель.

У Святослава Николаевича день был очень напряженный. По три раза на день он ездил в посольство Индии, в Министерство культуры и крепил дружбу Индии и СССР, заложенную Николаем Константиновичем еще в 1942 году, когда он разговаривал с Джевахарлалом Неру в Кулу. Из Министерства культуры ему каждый раз спускали план-расписание: куда надо ехать и в какое время (а тогда все должны были ходить по струнке), который он просто черкал, когда был не согласен с определенными пунктами, и писал свои.

И это сходило ему с рук, как говорится. Они ведь представители Культуры и потому «как не от мира сего» - вдали от политики и всего, чем мы живем. Они несут Красоту, несут Культуру, то есть такие ценности, которые как бы не котируются ни в правительствах, нигде. И потому им как бы разрешают некоторые вольности. Ну что такое, к примеру, ансамбль песни и пляски? Поехал туда-сюда, попел, потанцевал и вернулся. Но Красота и Культура – основы жизни! Святослав Николаевич был очень самостоятельный, ибо знал, что делал. Он утверждал Красоту. Он, как и все Рерихи, боролся за

нее. Он смело, когда какая-то рутинная, чиновничья никчемность расплывала время, а потом говорили, что его не хватает, отвечал: «Времени на все хватит, если его правильно распределить», – и вычеркивал ненужное, что не принесет пользы в плане культуры и дружбы народов, и писал свои пункты.

Потом Святослав Николаевич Рерих приезжал в Москву еще много раз, и через Татьяну Калугину, и через Чижкова Дмитрия, правительственного фотографа, я имел какое-то время сведения об этом. И я снова приезжал в Москву. От Запорожья до Москвы около 1000 километров. Но тогда легко можно было сесть на поезд в пятницу вечером и в 11 часов в субботу быть в Москве, а в воскресенье вечером назад. На работу, к понедельнику, надо было успеть ровно к восьми утра. Тогда строго было. За 12 рублей можно было плацкартным вагоном доехать до Москвы, даже был общий вагон (сидячий) за 9 рублей. Вот так мы ездили и ездили часто. У Чижкова я выпросил фотографии. Много фотографий, именно 80, 81, 82, 83 и 84 годов о Святославе Николаевиче, где мы его сопровождали, и я есть там на фото. Есть фотография, когда Святославу Николаевичу присуждали почетное звание Академика Академии Наук СССР. На фоне вывески Академии Наук он снят с Девикой, и внутри Академии фотограф все сфотографировал, и потому я знаю, что там было. На одной фотографии все сотрудники во главе с Александровым сняты вместе со Святославом Николаевичем. В центре стоит Святослав Николаевич. Его буквально «затерли» и оттеснили на полкорпуса назад. А сами справа и слева все впереди стоят, какая редкая удача, – фотографируются с Большим Человеком. Надо сказать, что некоторые рядом возле него были запросто.

Я только смотрел, слушал, наблюдал все это окружение. Оно было очень разношерстное.

В итоге могу сказать, что Святослав Николаевич и Девика Рани-Рерих очень отличались и выделялись из всех нас, обычных людей. То ли это были элитные, со званиями, то ли простые люди, которые смогли попасть именно тогда, когда он приезжал, физически ближе к нему, быть рядом даже, но он очень отличался, просто выделялся и все. И Девика тоже. Вот они ходят, смотрят, но какие-то жесты у них, и все другое, и вид у них другой. Возле них всегда улыбались. Ну не было кислых мин. На фотографиях все это видно. Люди идут или к нему, или от него, а у него глаза сияют и он чуточку так улыбается. И какое-то внутреннее сияние от него идет какой-то внутренней бодрости и, однозначно – радости общения. Говорят, Святослав Николаевич очень радовался, когда приезжал в Россию и мог пообщаться с русскими. Но, конечно, ему было очень тяжело со всеми этими правительственными чиновниками, постоянно ставящими ему барьеры. И потому лишь на уровне внешнего общения с людьми все выглядело так безоблачно, а невидимо для внешних глаз это была, наверное, и не наверное, а настоящая борьба за то, чтобы Имя Рериха начало жить в Союзе, в России, именно чтобы распространялось это значительнейшее русское Имя Рериха и всей семьи. И их труд, именно труд, не только имя. Весь их колоссальный просветительный

Труд для будущего. В первую очередь для ведущей будущей России они трудились. И вот последний из Рерихов столько потрудился после ухода всех троих, старших. Он младший, уже седой, как лунь, много лет ездил, ездил и ездил. Это стоило ему громадных усилий. Ведь надо было все время быть в форме – бодрым, улыбающимся. Таким он и был. Надо было выдерживать всех нас и не только, но еще и звать за собой по-высшему. Одному, после ухода старших, годами. В одиночестве. Потому он – Махатма.

Орленко Г.П.
г. Запорожье
2006 год

Впечатления и размышления

Надо сказать отдельно, как я познакомился с Чижковым, правительственным фотографом. Тогда мы все жили одним устремлением узнать побольше о Рерихах, Йога шла по всей стране, полулегально; и раз в году, в отпуске, я устремлялся, где только что услышал за год, что где-то, кто-то, чем-то в таком духе занимается (вот такой интерес, такое горение было познать что-то необычное), то в Москву, то в другие города. Короче говоря, все были открытые, почти все, и делились каким-то там кусочком информации то ли о Рерихах, то ли о Йоге, и выглядели по-разному. Кто-то говорил, что бросит паспорт и уедет куда-то, - на Кавказе есть какая-то община. В общем, такое брожение происходило в умах, особенно в Москве, что диву даешься. Появилось много ищущих, печаталось на машинках что-то из Хатха-Йоги и других разных Йог, перепечатки пестрели ошибками, но все это читалось, хоть и в плохом виде, но проглатывалось. Одним словом, наступило такое время, когда пробуждалась мысль и интерес к Востоку, ко всему восточному, если, подытожив, в целом сказать, - к восточной мудрости, так как именно здесь этого знания не хватало. Все было нельзя. И вот как-то я вышел на Чижкова. Мне кажется, какая-то женщина сказала, что есть такой фотограф, тоже чуть-чуть интересующийся Рерихами и чем-то еще. Он сразу дал мне Калугину Татьяну, о которой я говорил. Вышло так, что у Чижкова я выпросил фотографии в пределах, наверное, 1,5, а, может, и двух лет, специально три раза ездил к нему в Москву, как только он разрешал. Он был приближен вплотную к правительственным кругам, и именно через него я получил нужное.

Я дал ему все ценное, что мог, отдал за эти фотографии три книги толстенные - «Разоблаченную Изиду», отпечатанную на машинке, примерно в 800 страниц (попробуй в то время), и еще две, не помню уже какие. В свою очередь, он мне дал целую стопку фотографий за три приезда - с каждым разом все меньше и меньше, первый раз дал довольно-таки много фотографий размером 18 x 24 см, с отретушированных негативов. Он говорил, что и Гречко снимал на даче, и везде, и даже когда в 1982 - 83 гг. приезжал Святослав Николаевич Рерих, то поехал на дачу к Гречко и говорил там, что, мол, недавно чествовали у нас Святослава Николаевича, а орден «Дружбы народов» не дали, такого человека обошли. Надо ему дать этот орден. Гречко его якобы послушал. Действительно, спустя несколько месяцев после этой встречи с Чижковым, в «Правде» была публикация о том, что Святослав Николаевич награжден правительством СССР орденом «Дружбы народов». Вот так не знаешь, что от чего зависит. Так оно было или иначе, лишь бы во благо.

А теперь я хочу рассказать о 1984 годе, чем он оказался знаменит, этот год, можно сказать, он вообще был переломный у нас, вернее, один из переломных в нашей личной жизни. В каком плане? В духовном плане. В 1984 году в Москве началась, с 23 октября, и целый год продолжалась уникальная

выставка, которой не было и уже не будет в таком количестве, в таком масштабе, – 505 картин Николая Константиновича Рериха и Святослава Николаевича Рериха, совместная выставка, приуроченная к 110-летию со дня рождения Николая Константиновича Рериха и 80-летию со дня рождения Святослава Николаевича Рериха. 505 картин набралось из частных коллекций, говорили, из музея в Риге, где довольно много картин Н.К. Рериха, из других музеев, где было по одной, по две, по пять, из Третьяковки, где лежали под спудом сотни картин, и вдруг часть их повытаскивали, да и Святослав Николаевич до этого момента в общем дал уже около 300 картин для показа в Советском Союзе, и они выставлялись во всех главных городах, в сущности, только Европейской части, как я говорю, по городам-баловням. Это в основном столицы – Москва, Ленинград, Киев, в Харькове даже была, в Одессе, во Львове. И, может быть, в некоторых еще других, я этого не знаю. Говорят, в Тбилиси экспонировалась еще. Это на слуху. Короче говоря, она, в сущности, так пропутешествовала 8 лет.

Еще раз повторюсь, что к этим около 300 картинам добавилось еще более 200 из разных музеев, частных коллекций и из Третьяковки, к примеру, «Сергий Радонежский» в полный рост стоял на втором этаже, визуальное 2 м в ширину и 3 м в высоту, толстая рамка такая, сантиметров 10, деревянная, картина под стеклом, запечатлен на ней Святой Сергий Радонежский, наша история – 1380 год. Выставка располагалась в пятнадцати залах, где в больших залах висели большие картины, визуальное так метра 3 x 3, в меньших залах – меньшие.

На первом этаже находился триптих Святослава Николаевича – огромные такие картины, в другом зале – тоже его огромная картина «Ангел последний» и созданные им портреты, конечно, непревзойденные (бюсты, и в полный рост, как живые), пейзажи красочной Индии, но в основном картины Николая Константиновича Рериха. Был выпущен каталог этой выставки, но так мало его давали в продажу, что киоск внутри Музея Востока закрывался буквально через 10 человек очереди. Эта выставка была уже на новом месте, когда Музей Востока переехал с ул. Обуха в центр, на Арбат, по улице Суворовский бульвар, 12-а, в старое красивое здание – особняк Луниных, с колоннами. Она была открыта для просмотра с 11 до 19 часов, охраняли ее шесть милиционеров. Тогда в музеях везде была плата за входной билет 20 копеек, а тут – один рубль. Это была такая единственная в своем роде выставка, когда можно было все фотографировать, многие делали слайды, кто имел соответствующую технику. Никогда до этого не разрешалось фотографировать картины Рериха, да и после тоже. 23 октября – день рождения Святослава Николаевича, и он сам приехал на открытие выставки с Девикой Рани Рерих, своей супругой. Мы видели его там, видели недолго, 23-го и 24-го числа, когда он был в музее, потом у Румянцевой в закрытом кабинете, из которого он спустя короткое время вышел и через запасной выход (буквально метрах в двадцати от двери кабинета Румянцевой) ушел.

Как же нам удалось попасть на эту выставку? Так случилось, что мы поехали с супругой и дочерью (3,5 года) к одному знакомому, жившему на другом конце нашего города Запорожья. Это было 22 октября 1984 года, и мы приехали туда в половине третьего дня, т.е. в 14-30 часов, я хорошо это помню, потому что я смотрел в это время на часы в связи с тем, что как только мы зашли к нему в квартиру, а он показывает нам «Известия» и говорит: «Вот смотрите: здесь маленькая заметка, что в Москве открывается (газеты же он читал от корки до корки) какая-то большая выставка и приезжает Святослав Николаевич Рерих, или уже приехал». Нас, как говорится, прошибло током, взглянули, прочли и мгновенно у меня и супруги родилась мысль: как туда попасть? Ум лихорадочно и в то же время четко заработал, и мы сразу же, переглянувшись, распрощались с ним и скорее домой. А тогда на такси можно было быстро доехать, куда надо, бензин стоил всего 20 копеек. Далее супруга осталась с дочкой дома, а я схватил сберкнижку, где лежало на счету 300 рублей, и мотнулся на такси через весь город в сберкасса. Снял, кажется, 100 рублей, тогда это было много, и назад тоже на такси. А она за то время собрала все, что надо в дорогу, и опять на такси помчались на вокзал, ибо вечером шел поезд на Москву. Оставалось минут 30 до отхода поезда. Всего с момента посещения знакомого в 14-30 часов, когда мы обо всем узнали, до отхода поезда на Москву было 3,5 часа. К тому же, билетов не было. И только как-то (это Помощь пришла), потому что в обычной кассе еще и большая очередь, но кто-то нам подсказал, что можно с ребенком обратиться в детскую кассу. Мы подошли, там никого не было, и мы купили билеты благодаря тому, что дочери было три с половиной года. Вот так все и произошло.

Приехали на другой день (23 октября) в Москву, конечно, там негде ни остановиться, ни ночевать с ребенком на руках. Поехали сразу же в музей. Москва большая, пока добрались (поезд приходил тогда не утром, а в середине дня, около 12 часов), так время и пролетело до вечера. Ждали в маленьком вестибюле Музея Востока, пока, наконец, в 16 часов подъехала машина, черная, длинная, правительственная, и вышел Святослав Николаевич. В вестибюле уже человек 30 собралось, они расступились, и как только он появился, супруга моя с дочкой за руку вышла ему навстречу и поприветствовала его. И он ответил, поздоровался с ней, потом со всеми. Рядом с ним шла Девика. Супруга мне после говорила: «Я поприветствовала в его лице и Владыку».

Они прошли на второй этаж, а мы остались в вестибюле (до этого мы встретились здесь с А.П. Хейдоком, который в такие-то свои годы приехал на встречу со Святославом Николаевичем, безусловно, в сопровождении, ибо он был слеп), и еще больше часа мы не могли попасть внутрь – у нас не было пригласительных билетов. И никак не могли, никакие просьбы, что с ребенком, что приехали издалека, ничего не помогло – милиционер стоял и не пускал никого. А другие проходили и проходили – все эти элитные. Там были и хитрые наши знакомые, которые проскользнули, ухмыляясь, глядя на нас свысока. Был там и Кирилл Беликов, который зашел в какой-то момент,

примерно через час, с Кривошеем В. (теперь у него фамилия Росов). Оба они высокие, в одинаковых черных, длинных, до пят, распахнутых плащах, они зашли стремительно, вы знаете, как рецидивисты – такое выражение было у них на лицах: а ну, сейчас пушки вынут и перестреляют всех. Лада даже всполошилась, в лицо их не видела раньше. Это, ну, просто классика, и широкими шагами прошли туда, как свои, скользнув по нас взглядом с издевательской ухмылкой. А до них таким же манером прошествовал мимо нас Г.И. Прилоус. Мы стояли, стояли, постепенно туда прошло человек 50–70. Где-то там, наверху, было какое-то выступление, а, может, сначала был осмотр залов, мы ничего этого не знали. Прошло уже более часа, и под юнец милиционер уже ослабил внимание, как бы заканчивалось уже все это мероприятие, и мы попросили его повести доцю в туалет. Надо было внутрь налево, мимо милиционера, пройти метров 10. Они пошли вдвоем, а я, когда милиционер отвернулся, шмыгнул туда тоже, и как только они вышли из туалета – мы все трое сразу за угол и наверх и попали уже на закрытие, когда заканчивал свою речь Святослав Никулаевич, минут 7 – 8, а после него еще говорил директор музея минут 10. Помещение было небольшое, квадратное, на возвышении – выступающий, многие стояли скученно, кто-то держал в руках длинные микрофоны. Речь шла о том, что вот открылся новый Музей, это новое место и новое открытие такой огромной выставки. Затем все начали ходить по залам, люди добавлялись, и была довольно приличная толкучка до закрытия музея (он работал до 19 часов, но после 18 уже никого не пускали, чтобы за час все посетители разошлись). Вышло, что мы с часик там походили и уже надо было где-то определяться, искать ночлег. Москва громадная, пока проедешь – час, пока пройдешь до какой-то гостиницы – час, по гостиницам в центре, да и на окраинах, мест не было. Мы не знали, что делать. Большущие такие здания, пока дойдешь от метро до гостиницы – километр, а то и больше, спросишь швейцара в фуражке – мнется, трется. «А в вестибюле можно пересидеть ночь с ребенком?» - «Нельзя». Короче говоря, с ребенком на руках разве можно было ездить и ходить. В очередной раз довелось нам ехать на край Москвы, вроде, сказали, места там есть в одной гостинице. Поехали автобусом, метро, до станции «Полежаевская», а оттуда еще пройти до гостиницы с тем же названием. Там тоже наотрез отказали: нет мест! Очень тяжело пришлось – тянешь ребенка на руках, сумки с одеждой и всем остальным, и уже около 12 часов ночи, даже полпервого или больше, и в вестибюле не разрешают оставаться. Вышли мы в ночь, не зная, куда идти, бредем просто по улице. Когда идет одна женщина и на наш вопрос, где можно переночевать, говорит, что есть одна женщина, которая всех принимает и даже грузин и т.д., и т.п. Вон, дескать, дворники, они должны знать ее адрес. Мы смотрим, точно, ночью женщины-дворники убирают. Стоят посреди двора квадратного, между нескольких пятиэтажек, человека четыре и громко разговаривают. Мы к ним подошли, это было спасение наше. Они сразу же сказали адрес и показали дорогу: идите вон к тому дому, такая-то квартира, скажите, что вам нужен

ночлег и она вас примет. Представляете, ночь на дворе, холодно, за полночь, ребенок на руках, мы рады были переночевать за любые деньги. Пошли туда, она открыла: «Пожалуйста, проходите, только у меня по 3 рубля». «Хорошо!!!» На полу в маленькой комнатушке, тесноватой (жарко, хорошо было в этом отношении, ибо доя простужалась сильно и часто) мы сразу же расположились. Было уже, наверное, начало второго, а я чего-то был все время настороже. Вдруг так часа в два звонок. Она открывает (мы же не знаем ничего, чужое место), я как-то напрягся весь и не спал, всю ночь не спал. Заходили грузины какие-то и что-то по-своему говорили грубыми голосами (мой спали, но я не спал все время). Она сразу им о нас сказала, они пришли, смотрели на нас спящих, что-то говорили между собой. Кто их знает, кто они такие – барыги или... Ну, в общем, место не очень хорошее, однако, спасибо этому месту, что приютило нас. Я ей заплатил вдвое больше, чем она сказала, то есть по 6 рублей за каждого. Подумывал, если что, вечером еще, может, придется остаться. Но вечером мы достали билеты и уехали, так что, думаю, она не в обиде (получилось за одну ночь по 6 рублей с каждого!).

На другой день на выставке уже людей было очень мало. Мы буквально словно летали целый день по этим пятнадцати залам, и восприятие было уже такое спокойное всех картин, и впечатление, конечно, незабываемое. Очень мало людей, но присесть негде. В каждом зале смотритель (двери вынуты), и каждый смотритель видел другого зрителя. Уже под вечер ноги просто гудели, но не было мочи оторваться от картин. До того необычно все: сюжеты, краски, размеры картин, огромное их количество; и потом это какая-то неземная красота, и притом это горы (а мы – жители долин). И эти горы – как волшебная сказка. Все сияет, все непередаваемо красиво, сюжеты один на другой непохожи и все в одном русле великой такой, Космической Красоты. И какой-то дух, такой приятный, милый такой дух веет от этих картин. Ну как можно не обратить на них внимания, когда они просто магнитно притягивали к себе? Зашел в один зал, оглянулся, посмотрел ориентировочно – огромный зал, редко висят большие картины; смотрю: одна меня сразу тянет, метрах так в 10 – 15-ти, далековато, размером метра два на метр, в лунном сиянии, как при полной луне, горы, как в вогнутом зеркале, изображен какой-то пейзаж. Я это все вижу в общем: и цветность, и горы, и размер, и одновременно разговариваю с человеком, а голова туда поворачивается, я разговариваю с человеком, а голова опять туда поворачивается, и все больше и больше. Удивительно было то, что, разговаривая, я осознавал, что я уже тут, что она никуда от меня не денется, но все равно голова к ней поворачивается и поворачивается. О чем-то мы говорили, но разговор не запомнился, а это все запомнилось. По окончании разговора я моментально к ней. Подхожу, подхожу ближе, смотрю: на картине человек – обычный, худой, в военной гимнастерке и в галифе цвета хаки. Меч такой, острием расширяющийся к земле, в руках держит и идет по дорожке вниз. Все вокруг в светло-фиолетово-голубом свете. Я смотрю на фигуру, а у нее головы нет!.. Сразу, по ассоциации, что я мог вспомнить? – именно то, что

мы учили в школе – «Всадник без головы». Мы – то поколение (да и несколько, может быть, поколений), которое воспитывалось на таких фантастических книгах, как «Звезда Кец» А. Беляева, на книгах И. Ефремова и авторов всех этих всадников без головы. Знали с юности и перечитывали «Соколиный глаз», «Последний из могикан» и т.д., и т.п. Итак, у меня по ассоциации мгновенно выплыли картинки из «Всадника без головы», а потом возник вопрос: а где же голова? и когда взгляд скользнул по фигуре вниз, вижу, что у него голова под мышкой да еще и в очках. Это ж надо. А под картиной маленькая такая бумажечка с надписью «Гуру Кампала». Ну камбалу все знают, а тут гуру Кампала, с большой буквы «К» и все. Уже через много лет я и прочел где-то, и слышал разные версии (но только касательно деталей, но не сути), что бытовала такая легенда. А что такое легенда? Вот Шлиман Трою раскопал, целых четыре города, полагаясь на легенду. Легенда несет в себе историческую действительность, только опозитизированную. Значит, было это на самом деле. Оказывается, что гуру сидят не только в позе лотоса, мы тогда только приобщались к Востоку и нам казалось, что все гуру сидят в позе лотоса или в каких-то высоких позах и достигают каких-то высоких материй. А здесь он с мечом, как и мы, – мы ведь все время деремся, мы же не можем без войн, никак не можем. Получается, что Йог тоже, значит, участвовал в битве, а что он уже высокий Йог, так это ясно из того, что когда кто-то все-таки ему голову отрубил (где-то на высокогорье битва была), он подхватил ее (что, без головы уж драться?), кровь не текла, и пошел вниз, в долину, к своим ученикам (то ли 7 километров, то ли 15 километров, по-разному слышал). Когда пришел к ученикам, голова давала им наставления, разговаривала, передавая им последнюю волю учителя, так как он же высокий Йог, а не обычный человек. Потом они его похоронили, «как порядочного», как у нас привыкли говорить. И картина на эту тему. Притом такая, что я никак не мог не обратить на нее своего внимания. Так магнитен Рерих.

Потом я еще подряд четыре раза ездил на эту выставку. У нас тогда была такая возможность – в пятницу вечером поехать в Москву из Запорожья и в воскресенье вечером оттуда выехать, подгадать поезд – и на работу к восьми ноль-ноль успеть. Нельзя было опоздать ни на минутку, иначе сильно наказывали. Я лично ездил, мои друзья ездили, целые дни там проводили. Однажды, в очередной приезд, слышу (а зрители те же самые), что одна зрительница другой говорила обо мне: «Он какой-то не такой». А другая мне передала ее слова и говорит: «Чего это она так говорит на вас? Человек просто любит, смотрит. Нормальный человек». Даже, мол, та хотела милицию вызывать, наверно, ориентируясь по моему виду, что я во все глаза смотрел, все время ходил многократно по залам и останавливался подолгу возле картин – и смотрел, и смотрел, и смотрел. Это было замечено, и возникло подозрение. Четыре раза с небольшими промежутками времени приезжал я туда. Однажды, проходя по небольшому залу музея, вдруг слышу: «Вы знаете! – зрительница обращается именно ко мне и говорит: «Вот все я знаю, люблю

Рериха, но не знаю, сколько он перечислял в фонд Красной Армии, когда продавал свои картины (он был уже стар и с начала войны рисовал героические полотна, чтобы поддержать дух русской армии, посылая в фонд Красной Армии деньги в поддержку всего народа многонациональной страны), если я расписалась за этот зал на три миллиона». А у меня сразу блеснула мысль посчитать картины в этой маленькой комнате – семь больших только было до 1,5 м по горизонтали и в высоту 70 – 80 см, это можно назвать большими. Остальные в половину меньше и еще меньше. Всего – 45 картин стоили три миллиона. Вот это стоимость!!! Я впервые узнал, насколько ценятся в материальном измерении картины Рериха.

После, спустя некоторое время, точно так же, уже другая смотрительница (я ее за язык не тянул), просто иду, а она, словно продолжая разговор, говорит: «Вы знаете», - я поворачиваюсь к ней (на первой я уже как бы рефлекс выработал), оглянулся для проформы – никого нет, и сразу к ней направился. «Вы знаете, мы работаем с 11 до 19 часов и на час раньше, в 18 часов, закрываем кассу (не продаем билеты) и вход. Мы вынуждены это делать, так как люди внутри не могут мгновенно из пятнадцати залов выйти в 19 часов, то мы в 18-00 уже никого не пускаем, и за час, за 50 минут они все выходят. И после этого я выключаю свет, а картины лунно, матово светятся». Это я сам услышал от смотрительницы, которая целый год там была дежурной и сама все это видела каждый день, выключая свет в зале. Впервые я услышал от человека, который мне к тому же сам сказал, что картины Рериха лунно, матово светятся, - и это факт.

Надо сказать, что на выставке были представлены, главным образом, картины из гималайского цикла работ Николая Константиновича Рериха, когда он пошел в экспедицию в Гималаи, когда его уже называли «Мастером гор», когда он за три года 500 картин, разных по размеру, от больших до маленьких, послал в Европу (всего за три года!!!). Когда думали, что целая плеяда талантливейших художников работает на него, а он один это все создавал! И, говорят, такая была организация труда, что, перевалив через перевал в долину, где можно было уже подольше оставаться, он из всего того материала, что видел и слышал, сразу набрасывал этюды по свежей памяти, которая, кстати, была у него феноменальная (Елена Ивановна говорила, что картины как бы жили в нем, что он придумывал их в уме). А его трудолюбие: он рисовал сидя, стоя, на коне, рисовал на холсте, кончался холст – на бумаге, кончалась бумага – на мешковине, и говорил: «Воплотить бы все увиденное в жизнь». Ему же было дано задание от Владыки – рисовать Азию, и он это делал, и так делал, что, когда он ушел в 1947 году, прожив 73 года, Елена Ивановна сказала: «Не было никогда и не будет такого певца Гималаев».

И так оно и есть, хотя некоторые художники, когда я им это говорю на выставках, сразу начинают возражать: «А что вы там это говорите, и другие могут». И я им отвечаю: «Попробуйте пройти тот путь, которым шел Рерих, так гореть, такой любовью, когда он говорил: «Я горд, что мне выпало на долю

прославить Тималаи в своих картинах. Любя Индию и будучи русским, я считал, что Тималаи с любовью и уважением запечатлены в русском искусстве». Вот надо быть Перихом плюс еще с его талантом, когда все монументально у него, потому что он копил его в «чаше», когда был Фидием прославленным, потом Леонардо да Винчи. Все это соединилось в нем, помимо того, что он и ученый, и писатель, и все прочее, и многое другое. В этом воплощении его художественный талант просиял так необычно и в то же время так мило. Картины его светятся, в краски он добавлял люминесцентный порошок (не тот ли, которым пользовался и Сен-Жермен?), когда их готовил, чтобы естественно все было. К последнему выводу я сам пришел, сам понял спустя годы. Химия у нас была в начале XX века в зачатке и никакого люминесцентного порошка не было, в войну был только фосфор. Еще мама после войны, помню, купила две открытки с изображением Кремля и еще чего-то, так все главные линии на них ночью светились, горели, это интриговало. Фосфор. Но он вреден, хотя в войну он был нужен: нанесен на всех циферблатах на часах (ведь надо было видеть ночью), на приборах в самолетах, подводных лодках, у танкистов. Затем его убрали и изобрели люминесцентный порошок, уже, считай, после войны, не исключено, что идея этого была и раньше, но практически его не существовало.

Когда Перих пошел на Восток и стал рисовать в восточной манере эти монастыри, горы, все дубли открывалось перед ним, потому что Востоку известно было, кто такой Перих. Они узнали в нем Далай-Ламу V, правителя и великого реформатора Тибета и т.д., тогда же и секрет приготовления люминесцентного порошка был ему дан. И он сам готовил краски, добавляя его туда при размешивании, чтобы он там равномерно распределялся (Юрий Николаевич говорил, что Николай Константинович брал французские пигменты для приготовления красок). Затем просто рисовал, потому такая равномерная подсветка по всей картине, о которой поведала свидетельница. Но это есть только на тех картинах, когда он пошел уже в Трансгималайскую экспедицию.

Интересно, что, когда на выставке мы смотрели всю эту красоту, то одинажды остановились возле картин «Старый лама» и «Молодой лама». Небольшие по размеру картины лам на фоне плоских крыш, на покатом склоне. На всем Востоке бытуют плоские крыши, и в Грузии они, видно, это особенность горных построек. Когда я подошел к «Старому ламе» (это общезвестная работа, он в колпаке и улыбаётся), то вдруг стал, рассматривая его, видеть все детали улыбки, как Перих изобразил старого ламу. Он весь улыбается: губы улыбаются – это естественно, и нос улыбаётся, лоб, линии рта улыбаются, щеки улыбаются, и колпак тоже улыбаётся, подбородок улыбаётся, замочка на подбородке улыбаётся, невероятнo, даже уши улыбаются. Заметьте – уши улыбаются. После просмотра молодого ламу и дальше все осталось. Приехал домой и взахлеб рассказываю, как он мол, что каждая линия на лице улыбается, несет в себе улыбку (у старого Ламы), уши даже улыбаются. Почти

год я так проговорил, а потом приезжаю в очередной раз, смотрю, картина эта висит. Я к ней устремился и смотрю, смотрю опять на нее, получая радость от улыбки: колпак улыбается, лоб, глаза, нос, щеки, уши – глядь! А ушей-то и нет. Нет ушей! Я туда, сюда. Да что я, совсем уже?.. Снова смотрю. Колпак есть, Лама есть, да тот ли Лама? Спрашиваю: «Тот ли Лама?» «Тот, вот и подпись есть». Я и так, я и эдак. Дело в том, что у меня остались черно-белые фотографии годичной давности и по приезде домой я посмотрел год назад снятую черно-белую фотографию – а ушей-то нет. Такое вот неотразимое впечатление от картин Рериха, от самого талантлива Рериха, что я даже уши видел на картине год назад и что они улыбаются, а их там вовсе не было. Юмор такой получился. Велик Рерих. В настоящее время я все больше смотрю на снимки (черно-белые снимки – у меня вся стена в них, в этих косьих, плохих, мутных фотографиях, наклеенных на ДВП, но они с работ великого Рериха), когда прихожу утомленный с работы, взгляну на них – и у меня волна усталости с головы до ног уходит в землю, и все гармонизируется. А ведь на них нет ни цвета, ни размера того, что в оригиналах. Люди на выставках оригиналов ходят, смотрят и не понимают смысла картин Рериха. Между тем, в его картинах заложен глубочайший и в то же время простейший символизм о всех наших внутренних чаяниях и устремлениях, особенно когда он пошел в экспедицию и рисовал Азию. Горы у него живые. Гора выписана как гора, а контур богатыря, смотрящего вдаль или ввысь, – это зов к подвигу, познанию окружающего мира и Космоса. В этом именно назначение человека, зов, напоминание, куда надо стремиться. Как раньше, так и теперь, я смотрю на одно и то же и говорю: «Велик Рерих!» И такая несобъяснимая радость наполняет при этом меня. А с некоторых пор я говорю: «Трижды велик РЕРИХ!!!», то есть ничего не умалено, ничего не уменьшено, наоборот, только больше растет радость, хотя передо мной те же самые работы. Вот что такое настоящее искусство.

Светлане было 3,5 года и она была единственная из детей на выставке. Несу я ее на плече на втором этаже, выходим из каких-то дверей, из-за какого-то угла и раз! – видим прямо перед нами метрах в 5 – 7 стоит Сергей Радонежский в полный рост (это великолепнейшая работа метра два в ширину на три в высоту (визуально), держит в руках духовую церковь. И Света как увидела, пальчиком так показывает и на весь зал кричит: «Учитель». Я ей: «Да тише ты!» Но никто не обратил особого внимания, разве что шедшие поблизости. Все тогда полулегально ведь было. Но что самое поразительное, что когда уже дочь выросла, то ничего не помнит о посещении этой выставки, а мы же с ней были вечером 23 октября и весь следующий день, обходили все залы многократно, останавливаясь подолгу перед работами...

В меньших залах освещение было не очень хорошее, в больших залах – от окон неплохое освещение, а так искусственное, съедающее в какой-то мере цвет. Но, тем не менее, это был настоящий Рерих. Казалось бы, все шло хорошо – открытые выставки сделали в более широких апартаментах, в старом

особняке Луниных на Арбате, в центре Москвы, 23 октября 1984 года, а не в каких-то числах января потекли потолки, короче говоря, через 2,5 месяца, и выставку тут же закрыли. И еще примерно в продолжение 2,5 месяцев ничто не работало, потому что накидало снега на крышу столько много, что при оттепели вода потекла по стенам. Конечно, большие работы, в том числе и «Сергий Радонежский», и другие большие, одним словом, половину выставки сразу было убрано и уже не вернулось обратно, хотя она вся целиком должна была продолжаться не менее года. Остались картины размером 1,5 м на 0,8 – 1,0 м и меньшие, т.е. выставка уже стала обедненной и в таком виде она существовала в течение семи месяцев до окончания года.

Открыли ее вторично в конце февраля, скорее даже в середине марта, но было уже другое расположение картин и меньше залов. Впоследствии я еще приезжал, когда ее сняли спустя год, но осталась экспозиция уже не в малых и не в больших, а в средних залах (они шли подряд), у Румянцевой, под ее ведением. Это уже была постоянная экспозиция. Конечно, все тот же Рерих. Висели портреты кисти Святослава Николаевича, к примеру, «Тибетец» и другие, в полный рост портреты (большие, меньшие) правителей Индии. Говорят, что в правительстве Индии имеются картины Николая Константиновича Рериха, именно Гималаи, и работы, собственно, портреты всех руководителей правительства, написанные Святославом Николаевичем Рерихом. Именно он был непревзойденным портретистом в XX столетии (не в обиду будь сказано другим, в том числе и Глазунову, нарисовавшему в свое время Индиру Ганди в полный рост). Картина эта печаталась в «Огоньке» (где-то у меня этот «Огонек» с репродукцией есть). Стоит Индира с лотосом в руках у груди, и все так ярко, как бы тоже в манере Рериха. Кстати сказать, Рокуэлл Кент тоже старался подражать Рериху, как и многие художники, ведь Рерих создал целую школу живописи, новое направление в плане цвета, образа и всего остального. И почему-то, после Глазунова, именно Святослава Николаевича Раджив Ганди попросил нарисовать ее портрет. Работа Святослава Николаевича «Индира Ганди» в полный рост тоже публиковалась в газете. У Глазунова Индира Ганди обычная, приземленная, не выражен ее внутренний мир (ведь она, говорят, подражала в жизни Елене Ивановне Рерих), совсем как пустая оболочка. Стоит, все технически выписано: и длинное сари, и волосы, и лотос у груди в руке, и облака сверху голубые, но она какая-то стандартная, неживая, застывшая в каком-то одном виде. А у Святослава Николаевича вся она естественная, живая, хотя снимок газетный. Стоит она тоже в полный рост, на фоне штор оконных. Оказывается, Святослав Николаевич ее уже давно нарисовал, и когда Раджив Ганди обратился к нему, то он просто подарил этот портрет Радживу. Это большое полотно тоже находится в правительстве. Вот какая большая разница все-таки между талантами. Один талантлив, а другой, безусловно, намного превосходил его. Да, Святослав Николаевич был великим портретистом, и жанровые сценки ему прекрасно давались. На выставке в Москве экспонировалась его огромная

картина, где много людей танцуют. Немного гор наверху и все, а остальное – праздник, так подано и выписано, что это само движение, сама Индия. Настоящая Индия! Огромная картина – метра два с лишним на два, квадратная почти (визуально), праздник на ней отражен, лица, одежды совершенно разные, все четко, все в движении. Вот он молодец, как мастерски умел все передавать! А Николай Константинович – величайший Мастер гор и величайший мыслитель современности. Все они, вся семья Рерихов, оставили богатейшее наследие потомкам.

Еще хочу сказать, что у Святослава Николаевича Лик Христа бесподобный. Такого на Земле не было и нет. Это настоящий, большой космический житель. Не плачущий, как у христиан, но весь любвеобильный. Это огромная картина метра два по горизонтали на метр по высоте, называется «Возлюби ближнего своего». Сейчас ее иначе немножко называют, но в самом начале, впервые, я слышал именно такое название. В 1974 году впервые в Союзе отмечалось 100-летие со дня рождения Николая Константиновича. На празднования приехал и Святослав Николаевич. Мне говорил Р. Сергиенко (киевский кинорежиссер), что нельзя было тогда в Москве показать эту картину (из-за нимба) на выставке (была там такая выставка, приуроченная к этим дням, но я в то время еще только услышал о Рерихе). В Ленинграде Святослав Николаевич показывал эту работу в узком кругу дружественных людей, и ее засняли на две киношные бобины полностью: на одну бобину – всю картину, а на вторую – только центральную часть – Лик Христа. И потом спрятали до лучших времен, но часть пленки по кадрикам разошлась. Попались и мне два слайдика, по одному с каждой из бобин (с цельной картиной и с центральным фрагментом – Ликом Христа). Это просто божественный лик – волнистые волосы, такой достойный, такой любвеобильный, такой наполненный космическим спокойствием Лик, красивейший. Это надо видеть. И все это создал Святослав Николаевич Рерих по рассказу Елены Ивановны, принимавшей телепатически от Владыки данные о том, какой Христос на самом деле был. Не сам он Его придумал, а ему было дано задание через Елену Ивановну Рерих изобразить истинный Лик Христа.

27 лет пролежали у меня эти два слайдика. Прислал мне их один из самых больших моих друзей – Альфред Петрович Хейдок, ученик Николая Рериха. В то время я пытался делать цветные фотографии, делал многие попытки улучшить и улучшить на тех цветных фотоматериалах, которые выпускал Союз, но получалось далеко не то, что нужно. Посылал П.Ф. Беликову, друзьям, они даже говорили, что хорошо вышло, но это меня не удовлетворяло, я считал, что у меня ничего не получалось того, что на слайдах. Слайды же были очень хороши по цвету, каждый так и горел цветом. Я не знаю, на какой пленке они тогда снимали, на микрате или на чем еще, какая была тогдашняя пленка киношная, но она была хороша. Сейчас появились машины, делающие качественные изображения, и хорошая цветная бумага и пленка. Решил попробовать именно сейчас сделать хорошего качества снимки с этих слайдов.

Но все равно пришлось 2,5 месяца ходить по этим компьютерам и компьютерщикам, чтобы получилось качественно. Один сидящий за компьютером умеет только это, другой может что-то еще, но не то, что надо. Помыкавшись, постепенно нашел двух человек, женщину и мужчину, которые совместными усилиями довели все до конца, и цвет получился как на слайдах. Фотографии горят, как говорится, натурально, близко к тому цвету, что на полотне. Примечательна еще такая деталь. Когда я через год, примерно, захотел сделать повтор, уже не со слайдов, ибо год тому назад мне перенесли эти изображения на диск (в 2004 году). Казалось бы, в 2005 году уже все правленое и записано на диск, все параметры цвета и т.д. Ан, нет. Когда я принес снова этот диск на уже другой компьютер, то снова минут 40 довелось делать коррекцию, так как компьютерщики настраивают свои компьютеры каждый по-своему и все по-разному. И компьютеры разные. Вот такая эта тоже современная техника, разбалансированность во всем, невозможно даже что-то стабильное получить. И такая и вся цивилизация. Такого же качества. Успехи есть, но все это такое летучее и нестабильное, что только то, что внутри человек приобретает, осознает и чем владеет, только то и стабильно. Все, что от духа.

У христиан вечно плачущий Христос, вечно скорбный, как и вся их жизнь. Нет как бы места для радости. А у Святослава Николаевича как раз космический, могучий Лик. Победоносный. Зовущий к Любви, Радости, Братству на всей Земле. Таким был настоящий Христос, и Святослав Николаевич именно таким его изобразил по Указанию Владыки. Владыка сказал: «Иисус явил лик еврея, но Он был Величайший». Не может такой Величайший Дух пускать слезы, как мы. Жизнь по-высшему дана для радости, для творчества, для подвига, для познания. Бесконечного познания. Мне так понравился один старый индус, бывший учителем в школе (ученики от семи до двадцати лет сидели вместе на траве). Вот семилетний спрашивает: «Учитель, что такое счастье?» И получает ответ (где у нас бывает такой ответ?): «Счастье в познании». А потом 14-летний задает вопрос: «А что такое абсолютное счастье, Учитель?» Учитель с улыбкой ему отвечает: «В Абсолютном познании». Это настоящая Индия и настоящий учитель, а не так как у нас слепые учат слепых: бу-бу-бу, и – от сих до сих, дальше не ходи. Николай Рерих звал к широчайшему образованию, труду на улучшение жизни, осознанию красоты Земли и Космоса и своего назначения (прекрасного в этом познавательном, в этом величайшем процессе жизни, космической жизни) – становиться участниками космической жизни. Николай Константинович говорил: «Друзья, на все смотрите освобожденным взглядом!» А Владыка сказал: «Все открыто, все доступно, трудитесь... Оставьте все предрассудки, мыслите свободно».

Я считаю, что по разносторонности таланта его можно сравнить только с Леонардо да Винчи. Е.И. Рерих, видевшая и знавшая (когда развилось у нее

духовное ясновидение) десять воплощений Н.К. Рериха, называла среди них Фидия, знаменитого скульптора Древней Греции, и Леонардо да Винчи. Вот откуда монументальность в его художественных полотнах – от Фидия, а необычайное сюжетное построение, вся эта цветовая гамма и все высочайшее художественное исполнение – от Леонардо. Но Леонардо многое не мог осуществить, говорил о несвоевременности многих своих открытий, и потому не мог во многом раскрыться. А Н.К. Рерих раскрылся по многим и многим направлениям и достиг многих и многих успехов, оставив богатейшее наследие потомкам.

За редким исключением редких семей у нас принято относиться к родителям запросто: «ма», «па». У них же было два сына, попробуй их воспитай – но Елена Ивановна говорила: «Я горжусь своими сыновьями, и горжусь тем, что я их воспитала». Она не посылала их в колледжи разные, а занялась сама их воспитанием, потом уже были высшие учебные заведения. Когда же сыновья подросли, повзрослели, то называли своих родителей не «па» и «ма», как мы, а Елена Ивановна и Николай Константинович – уважительно. Вот это есть Культура, высшая культура общения, потому что это были очень большие люди и к тому же ученики больших мудрецов Востока. Потому на всех их надо равняться и у всех их надо учиться, как строить свою жизнь, и себя, и семью, и свои отношения с людьми.

Когда, например, Николай Константинович плыл на каком-то пароходе и клерк или служащий стал задавать ему каверзные вопросы, то Николай Константинович внимательно слушал и достойно, и очень тактично отвечал ему. И когда кто-то потом возмутился этим, как, мол, вот этому так отвечать, то Николай Константинович сказал, что он хоть и мелкий служащий, но как человек достоин нормального отношения к нему, чтобы с ним по-человечески говорили. На этом малом примере видно, кто такой Николай Константинович. В книге «Мои Учител» З.Г. Фосдик есть рассказ, как Николай Константинович делился с ними впечатлениями о своем начальнике в России, терроризировавшем его в продолжение 20 лет и только в конце сказавшем, что он всегда был другом Николаю Константиновичу. Николай Константинович говорил о терпении, которое он проявил к этому начальнику, и о гибкости в общении с ним. Сказал, что это была самая его большая победа в терпении. Этот человек учил его терпению, а фактически измывался, так Николай Константинович изобразил эту практику. Только великие люди могут расти на таких жизненных ситуациях, и на их примерах поведения надо учиться. Н.К. Рерих говорил: «Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества». Мы же гръземся, взаимоисключаем друг друга, стараемся, где только есть информация у тех, кто был приближен к Рерихам, туда и проникнуть, выкачать ее и скорее самим кинуть в мир, прозвучать, одним словом, таким путем присвоив себе то, что нам не

принадлежит, наследие Рерихов, Агни-Йога, которая принадлежит всему миру. Владыка сказал: «Я положил Учение на четыре стороны». Когда Рерихи, уехав с Алтая, проезжали по Сибири, то было много встреч, люди очень радовались этим встречам и мудрецам, наставникам в лице Рерихов. И однажды им сказали, провожая: «Уезжаете от нас». А Рерих ответил: «Мы не от вас уезжаем, а для вас, чтобы наполнить сокровищницу». Рерихи сами должны были проехать по всему миру, собрать громадную информацию, наполнить сокровищницу, чтобы отдать потом человечеству в виде картин, лекций, книг и всего остального накопленного богатства, не говоря уже об их глобальной мысленной работе. Поистине, никто не знает, кроме великого Владыки, сколько они делали посылок мысли, помогая Ему в это трудное перестроечное время, время перехода с одной расы на другую, в этой битве за Свет, в которую мы все должны вносить свою каплю труда, не игнорируя труд другого человека, идущего в ту же сторону. Как-то получается, что все у нас темные, а мы одни светлые. А что мы делаем полезного? Да посмотришь – не на что смотреть, или так, чуть-чуть чего-то, и уже кричим на весь мир. На копейку сделали, на миллион кричим. Нам не кричать надо, а дружить. Н.К. Рерих смотрел на того клерка и разговаривал с ним почтительно, видел у него внутреннюю монаду, человека видел в нем. Нам тоже надо учиться друг в друге видеть именно человека. А то выходит, что «Господом твоим» на деле не существует, а только наш «Господь» существует. Оттого и все на Земле так печально, ибо когда мы касаемся всех высших Учений, то мы их не можем вместить. И получается отсебятина. По-моему, все это должно схлынуть, уйти со временем через лучшее образование, ибо как прекрасно сказано: «И в будущих школах России пути роста духа будут преподаны познавшими весь путь!» Вот это, я понимаю, образование, которое должно в массе установиться на Земле, и оно установится, потому что Владыка сказал, что единение народов произойдет в битве. Вот она и идет, эта битва (Армагеддон), и в результате все повернет на благо Владыка. И так будет. Будущее светло.

Владыка сказал: «По делам только судим», - это значит определяем. Это, наверное, единственный критерий правды поступков каждого из нас. Я думаю, что, как мы поступаем в любых ситуациях, то мы и есть, а не то, что мы говорим, ибо все начитались, нахватались красивых слов, все. Сейчас такое время, когда уже пришли великие Учения Востока, и кто хотел, тот их уже перечитал, но это не значит, что все, что там написано, каждый из нас вместил и живет по ним. Как раз наоборот. Такое огромное Учение, данное через Рерихов и Блаватскую, как Агни-Йога (Владыка говорит: «Мы открываем Беспредельность», - то есть с беспредельным продолжением обучения), - как оно может вместиться в авоськи нашего сознания, даже если прочесть то, что выдано Великими Учителями в книгах через Блаватскую и Рерихов (а раньше через других больших просветителей и лично через Них, когда Они воплощались в миру)?

У каждого есть определенный размер своей авоськи, и мы берем, каждый из нас, только то, что смогли вместить туда, остальное остается в стороне. В общем, помним, что оно есть, а то и вообще не помним, или помним только то, что близко каждому, а поскольку мы все разные, то взяли мы разные части этого Учения и выдаем их за все. Отсюда неизбежные конфликты между нами, по причине малого восприятия того большого хотя бы по основам, которые даны всем нам, но мы не тянем, не можем, ленимся прилагать усилия в этом направлении. Поэтому Христа поделили Его ученики, не смогли вместить ту Великую Истину, которую Он возвестил. Тем не менее, сколько я живу, столько и вижу обратное тому, к чему звал Христос. Сколько я раньше обижался на людей, ибо ошибочно полагал, что в новых людях нет того, что в старых. Хотелось, чтобы все улыбались друг другу, уважали друг друга, как в истинной общине. Однако повсюду, независимо от чинов и рангов, социальных положений, обеспечений (низших, мало- или среднеобеспеченных) более или наиболее, — везде в глазах, в поведении, в реальных действиях видна только расчетливая выгода и малость авоськи сознания, в зависимости от ее вмещения. Другими словами, у каждого есть свое любимое, а это, можно сказать, установившиеся принципы, стереотипы и стереотипные ценности; безусловно, имеются многочисленные вариации, но суть дела одна и та же: отсебятина идет как бы через призму определенных разных цветов, через призму каждой из нашей, так сказать, камерки сознания мы смотрим на все окружающее, оцениваем и получается вроде истина. И каждый о ней глаголит. Безусловно, часть истины каждый из нас видит, но окраска личная и малость кругозора создают суждение часто условно и невежественно, округляют в сознании, что все именно так, как я говорю. Каждый из нас потому борется за свои правду и справедливость, то ли личную, то ли групповую, то ли служебную, профессиональную и т.д. Ограничивая себя этой своей частичной истиной, своей правдой, своим узким утверждением, мы полагаем, что говорим по истине и по справедливости, — и сколько точек зрения, — столько правд и справедливостей, не перечесать. И каждый день произносим эту свою правду и справедливость, как приговор, не думая, даже не предполагая, о всех ее последствиях как в земном мире, так и в надземном.

Но разве это завещал нам Рерих, который для всего Мира работал, объездив 25 стран, по одним источникам, по другим — 29 (это не имеет значения само по себе). И это же не просто объездил страны, а сумел быть повсюду своим художником, в манере художников тех стран рисовал, вмещал их культуру. Большие люди рождаются в каждом народе, по всей истории их видно. Они воспитываются на культуре своего народа, но так богаты внутренне, что им тесно становится в пределах своей культуры, они, как губки начинают впитывать близлежащие культуры, а затем охватывают весь Мир, становясь всемирно известным достоянием, вмещающими культуру всех стран. Вот таким был Н. Рерих и Рерихи.

Примечательно, что в 1916 году Рерих пишет стих «На последних вратах», стих о широком «можно»: «Нам сказали «нельзя»... «Нельзя» сказали мы, люди с маленькими авоськами сознания, стереотипным мышлением. Обобщая все такие сознания, он говорит: «Нам сказали «Нельзя!» А дальше он говорит о себе, о всех стремящихся: «Но мы все же вошли». «И везде было нельзя, и по всему, и все нельзя. И стражи седые охраняли» (то есть знаменитости – были ли это академики в науке, культуре и еще где, на различных должностях правительственных) – все везде у этих сознаний «нельзя». Только им одним все можно, а другим никому и ничего нельзя. Именно узость мышления запрет рождает. Рерих, наоборот, призывал: «Друзья! На все смотрите освобожденным взглядом». И Владыка неоднократно повторял: «Все открыто, все доступно, трудитесь...» Фактически, от этой узости и зауженности кругозора и сознания, можно сказать, все находится в состоянии войны на Земле. А сейчас, в последнюю фазу Армагеддона, наступило время хуже войны, так как идет разложение и гниение всего старого на всех фронтах. И пока дело обстоит так. Но выход из этого положения давно дан, нужно лишь захотеть узнать его.

Как-то поехал я в очередной раз и, как оказалось потом, нашел настоящих двух друзей. Спасибо Владыке, что дал мне Хейдока Альфреда Петровича. Он жил сначала в г. Балхаше (затем, позже, на Алтае, в Змеиногорске), где были рудники и озеро Балхаш (в Казахстане). Поначалу я прилетел из Москвы в г. Балхаш, городишко весь в красной пыли, перекаати-поле ветер туда-сюда гонит, и на земле и в воздухе эта красная пыль с медных рудников, проникающая в кожу, дымная такая. А подростки, там выросшие, играют себе в футбол запросто, не обращая на это внимания, бегают за мячом. Деревца чахлые, маленькие, и рядом Балхаш синее. Вот в этих безрадостных краях я встретил ученика Н.К. Рериха, прекраснейшего человека, друга всех стремящихся, Альфреда Петровича Хейдока. Два метра ростом, могучий, хотя был уже в возрасте, и болен был достаточно, но тем не менее, радость, какая радость от него исходила! И он, если сказать об этой радости, напишет мне как-то в письме: «Радуйтесь хоть куриному яичку!» То есть призывал осваивать, воспитывать в себе радость, поверх всего (своим примером). Никого не осуждал, учил любить мир по-настоящему.

Писатель, поэт. Перевел с английского столько толстенных книг: «Разоблаченную Изиду», два тома по 800 страниц, «Тайную Доктрину», третий том, «Розенкрейцеров» и др. На этом ослеп, под конец стал носить очки + 15; + 17; потом вообще перестал видеть. Сам изучил английский язык. Латыш по национальности, был в эмиграции в Харбине, как он выражался, «в этом грязном китайском городишке, в котором на улицах трупы валялись по три дня». И туда приезжал Рерих. Там он и встретил настоящего светоча жизни Николая Константиновича Рериха и стал его учеником.

На Хейдока я вышел через другого латыша, а тот, в свою очередь, был дан мне через, казалось бы, случайный контакт, через экстрасенса в Москве, сообщившего мне, что в Калининграде есть один интересный человек. И в отпуске я, конечно, устремился туда. Калининградский эрудит, в свою очередь, поведал мне, что в Советске (400 км от Калининграда) живет человек, интересующийся Агни-Йогой. Пришлось ехать на автобусе. Большой «Икарус» шел со скоростью 80 км/час, часто навстречу шел другой такой же; дорога была настолько узкой, только-только разминуться автобусам, и они пролетали мимо, не сбавляя скорости, лишь рули водителей шли мгновенно чуть вправо друг от друга и сразу же выравнивались. Справа и слева тянулся лес – сосны, ели и березки, ровные и высокие. Эти 400 км автобус за пять часов промчал, один раз лишь накоротко остановились, примерно, через 200 км. И вот Советск, поселок городского типа, маленький, но имелась железнодорожная станция.

Там, в Советске, я встретил второго своего Друга, тоже латыша, Михаила Цезаревича Пургу. Оба они были старше меня лет на тридцать. И, тем не менее, однозначно у нас установилась дружба. Эти люди никогда меня не осуждали, ни за что, только поддерживали, и именно своим примером они меня воспитывали. И вот через Спургот-Пургу в этом Советске я вышел на Хейдока, к которому потом уже поехал. Альфред Петрович дал мне «Разоблаченную Изиду», два тома по 800 страниц, написанные в тетрадах (его перевод с английского) печатными буквами (так он писал, чтобы было понятно). Он был чрезвычайно рад моему приезду и что я могу это попробовать напечатать, хоть я и не представлял себе тогда, как это сделать. В то время ничего такого не разрешалось, все это было полулегально, на свой страх и риск. Однако, конечно, с Помощью так обстоятельства сложились, что мы с одним другом все отпечатали по шесть экземпляров, потом еще раз – шесть экземпляров. И так вот оно пошло. Проверяли все, корпя над проверкой и по ночам. Позже другие труды – переводы Хейдока печатали, и они расходились. Он ослеп на этом. Но был до того мужественный человек, что, прослышав, что в клинике Филатова в Москве уколы делают прямо в глазные яблоки и бывает, помогает, то без колебания туда и поехал (как это жутко – колоть прямо в глаз), и месяц там и пробыл, слепой. Но новшество ничего ему не помогло. Это было в 1982 году. После он уже во второй раз ездил, уже в 1984 году, когда открылась знаменитая выставка Рерихов в Москве (505 картин), на встречу со Святославом Николаевичем. Приехал совсем слепой, седой, как лунь, и еще после Москвы поехал в Калининград, затем в Советск, к Михаилу Цезаревичу Пурге, который до шестидесяти лет один раз в году ездил сам к Хейдоку через половину Союза. Они встречались, и Михаил Цезаревич уезжал обратно. Это еще было в 1975 году, когда я только на них вышел.

Но вскорости Михаил Цезаревич заболел эмфиземой легких и больше не ездил, в течение почти 30 лет. Бывало, говорил: «И мы были рысаками». Касательно своей болезни сказал: «Я гащу карму, причина коренится в молодости, это следствие того, что было в молодости». Прислал он когда-то

мне фотографию, снятую в Шанхае (Китай). На ней запечатлено 8 человек каких-то знаменитостей, он не называл их по фамилиям, говорил, что они еще живы и можно невольно им навредить. Но сказал, что на этом фото – знаменитая женщина-балерина, композитор известный, еще кто-то, и Михаил Цезаревич, а рядом с ним стоял Шаляпин, проездом из Японии. Михаил Цезаревич был и поэт, и писатель, и драматург, и актер кукольного театра. С женой они сами делали куклы и сами их озвучивали на выступлениях. Вот с такими большими людьми судьба меня свела, и я благодарен ей за этл, благодарен, ибо это были настоящие, с большой буквы, мои Друзья. Всегда я им шлю лучшие мысли на Астрал, и чтобы мы встретились в будущем, как и встречались раньше.

Светлое воспоминание осталось в моей памяти о том, как я впервые приехал в Михаилу Цезаревичу в Советск. Когда пришло время ложиться спать, он предложил лечь на сундуке: «Вот тут устраивайтесь». Старый сундук, ничем особо не примечательный. Скажу, что в жизни я никогда так не высыпался за эти 7 часов, как у него. Семь часов я проспал, как младенец. Встал, как огурчик. Это потому, что у этого старого, уже больного человека была прекрасная мысль, прекрасное мышление, прекрасная аура. Впервые я ощутил и осознал это. И еще: стоит фотография жены на комод, жена его уже ушла. Он ходит и говорит: «А я разговариваю с ней». Тогда еще я только слышал о Законе перевоплощения и смутно воспринимал все это.

Кстати, вспомнилось, что когда мы услышали впервые о выставке Рериха в 1974 году в Москве (мы – это один художник, настоящий художник, и я, простой рабочий), то загорелись желанием увидеть ее в нашем Запорожье. И настоящий художник сказал: «Ты рабочий. Давай напишем в ЦК, чтобы и к нам Рерих приехал». (Это было до того, как мы начали доставать Агни-Йогу и пошли эти все контакты, насыщенное знакомство с этим всем направлением мысли и людьми, которые к нему приближались). «Тебе ничего не будет (ЦК действует быстро), а вот я интеллигент, мне нельзя». Вместе написали (он продиктовал, а я записал), что вот, дескать, у нас в Запорожье был даже СЭВ, что у нас экспонируются разные выставки: из Третьяковки, из Эрмитажа, из других городов, а вот Рериха не было (такое кратенькое письмо). Мы просим

вам подействовать, чтобы и в нашем городе побывала эта выставка. Отослали в ЦК, прошел месяц и вдруг присылают письмо из Министерства культуры СССР. Открываю – большой ответ на бланке с печатями (к сожалению, при переезде у нас украли два мешка с вещами (т.е. книгами), среди ценностей – большой английский словарь и это письмо, я его всегда хранил). В нем было написано (кратко говоря, вокруг да около, ответ-отписка), что в Запорожье, в музее вашем художественном не хватает 300 м² площади, нет даже кондиционеров и еще чего-то там, поэтому мы не можем в Запорожье дать выставку Рериха. Я долго никак не мог понять, как он, чиновник, сидя в Москве, мог знать, что в Запорожье не хватает этих 300 м² площади, нет кондиционеров, как он мог видеть это за 1000 км. Уже после мне один человек сказал: «Да они все знают, общаются». Тогда не получилось с выставкой, но мы сделали попытку, чтобы Рерих приехал к нам, когда еще никто не шевелился насчет Рериха у нас в Запорожье. Позже выставка Рериха была даже в Харькове, когда Святослав Николаевич дал около 300 картин для показа по стране, не говоря уже о городах-баловнях, как я их называю (Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Одессе), приходилось туда ездить. А к нам не пустили Рериха, хотя бы в Днепропетровск привезли (90 км от Запорожья), туда многие бы могли ездить из Запорожья.

Уже много позже, в 1984 году, когда открылась знаменитая выставка 505 картин обоих Рерихов в Москве, мы с супругой загорелись желанием купить большие типографские репродукции с картин Рериха, но ничего не было. На открытии выставки стали в очередь в киоск (в музее Востока), чтобы взять каталог, в котором было всего несколько цветных работ Н.К. Рериха и С.Н. Рериха, остальное все – названия картин, размеры их и т.п.). Он стоил 1 рубль, но через 10 минут та, что продавала, закрыла окошко и говорит: «Уже кончились». На другой день та же история повторилась (это было указание такое сверху). Я собрался весь и думаю: «Без каталога не уеду». Я рабочий, потому пошел сразу искать черные ходы в музее, нашел рабочих с обратной стороны здания, двое молодых и один пожилой (думаю, заплачу им 5 или 10 рублей вместо того рубля – помогут). Молодые вообще не могли понять, о чем идет речь, но пожилой через три минуты все понял и вскоре принес мне каталог за 10 рублей, как я им предложил (это им на четыре бутылки водки, стоила она тогда 2 рубля 50 копеек). За десятку из Запорожья до Москвы можно было доехать. Но я пошел довольный, что приобрел этот каталог как память о выставке, хотя там только перечислены картины, а нам хотелось побольше цветных репродукций. Помыкавшись и увидев, что в цвете никаких больших репродукций в продаже нет, мы загорелись желанием сделать для себя что-то большое в цвете из части тех сюжетов, которые были на выставке. А как?

Я никогда не рисовал и не учился рисовать. Год ушел на поиск всего нужного.

У Рериха краски яркие, хотелось и в этом приблизиться, и наши усилия увенчались успехом. И спустя 1,5 года у нас уже было 37 работ. А потом надо

было их оформить в паспарту и рамки. Это заняло еще полгода. Всего прошло три года, пока один художник, будучи у нас в гостях, не увидел эти работы. Он одобрил мой труд, и именно он подал идею выставки. После этого в 1987 году в Запорожье открылась наша первая выставка, тогда в городе мало кто знал хоть что-то о Рерихе. И мы первые сказали этой выставкой о Рерихе. Правда, еще нельзя было в открытую говорить о философии, и я говорил тогда только о художественной, биографической и экспедиционной стороне жизни и деятельности Рерихов. Выставка была приурочена к дням Индии в СССР, о чем свидетельствует сделанный мной квадратный плакат об этом. Собственно говоря, мы сделали его по своей инициативе. В то время уже был Раджив Ганди в Индии, а у нас – Горбачев, то есть уже началось перестроечное время, совпавшее с днями Советского Союза в Индии (за год до этого), и после состоялся год Индии в СССР. Все я сам делал, своими руками, и не знал, как отнесутся люди. Знаменательно, что люди восприняли хорошо, длилась она 18 дней в центре Запорожья, в лучшем ДК «Октябрьский» (ныне ДК «Днепропетцсталь»), на первом этаже, с огромной красивой люстрой высоко вверху. Зал облицован под мрамор из светло-желтого туфа и очень светлый и большой. Лишь спустя два года после нашей выставки робко возникло первое рериховское общество в городе. Там сразу же семь женщин в правлении стали грызться за первенство в чтении лекций небольшому количеству проходящих. Люди есть люди, короче, оно года два просуществовало и раскололось надвое. Одна часть скоро распалась, а вторая как-то просуществовала еще год. Остатки всего этого, несколько человек, где-то раз в месяц собирались в какой-то библиотеке, пока, увеличившись постепенно до 15 – 20 человек (может, и меньше) живут и посейчас.

Но не так давно из Центра усовершенствования учителей вынырнуло другое общество с претенциозным названием «Культурно-просветительное объединение», претендующее на Рериха.

Пытался я с ними пообщаться, но они меня не пускали к себе никаким путем. И так получилось, что я сам начал потихоньку выставляться. Так сложилось: дочь болела, супруга по уходу за ней все время, не работала. Короче, я один продолжал работать, потому что надо было обеспечить семью. И у нас фактически очень тяжелая жизнь пошла, особенно удручали болезни дочери от рождения, и одна была радость – это выставки. Мы с супругой стремились выставиться, где только нас принимали. И вот так, год за годом, в продолжение 18 лет уже состоялось 44 выставки, побывавшие в 28 городах Украины, один раз в Изваре (80 км от Ленинграда, бывшая усадьба Рериха – третья выставка по счету). В Запорожье выставлялся 10 раз.

Надо сказать, что это тяжкий труд, и просто так не выставишься: для начала нужно было получить добро от чиновника по идеологии, в горкоме, и второе – добро на выставку от художников. Мне добро дали три художника, они смотрели, я кое-что подправлял в картинах, там, где они говорили. То есть это не моя отсебятина (разрешение давал Комиссаренко В.В. из горкома,

инструктор по идеологии, и три художника). И так, сначала было 37 работ, затем постепенно добавлялось больше, и в 2005 году, на уже десятой выставке в Запорожье и на 44-й в Украине, в Краеведческом музее (в старом здании бывшей ратуши), в огромном таком круглом зале было уже 76 работ Н.К. Рериха и 16 моих авторских. Получается так, что я сам и менеджер, и вешаю, и снимаю, и вожу. Выставки у меня всегда бесплатные. Первые семь выставок я возил за свой счет (при зарплате 150 рублей). Много уходило средств на то, чтобы довезти туда и обратно. А потом супруга говорит: «Мы уже не тянем.» Это благодаря только ей я все это создал и при ее помощи, и возил, и все прочее. Она потом предложила: «Есть уже сейчас рериховские общества, пусть помогают, если они любят Рериха». Некоторые чванились, а другие принимали и помогали привезти и увезти обратно, и с радостью, потому что они только поднимались на ноги.

И вот тоже характерная черта прослеживается: в процессе становления они нуждались во мне, а потом они уже от меня отмахивались. А по прошествии 18 лет я уже как бы и не нужен вообще, и в последнее время мне даже говорят, что я не должен выставляться, так как это уже как бы их приоритет, а то, что я сделал, как будто не то. Ну как не то? Восемнадцать лет было то, теперь не то. Ну и ну! Что гнездится в головах этих людей, называющих себя рериховцами?

Я называю свои работы копиями, потому что я точно не знал, что такое копия. В словарь заглянул: копия – это то, что сам перерисовываешь с чего-то. Я так и назвал (оказывается, словарь дает условное, т.е. неточное определение). А теперь один художник – Владимир Андреевич Козар из Киева – меня поправил и говорит: «Надо было назвать их «Рериховские сюжеты», так как копия должна быть точно-точно – каждый мазочек, по форме и цвету, должен быть точно перенесен, и с официальной, юридической точки зрения должно быть оформлено разрешение на копию с оригинала.

Но эти рериховские общества... Всегда в них кто-то власть захватывает. Это обычно председатель рериховского общества, возле него группируются несколько человек. И эта кучка владеет инертной такой небольшой массой, человек 10 – 15, редко тридцать и это количество непостоянно. В основном это пожилые женщины, а мужчин там, как правило, не бывает, разве только во главе общества, женщины часто одинокие, которым негде коротать досуг. Бесспорно, о чем-то они там говорят, слайды показывают. Если же им удастся взять у Шапошниковой выставку оригиналов рериховских походных этюдов, которую она уже давно дает по России и Украине, так они это приписывают себе как великую заслугу, что они организовали.

Я выставляю то, что сам создал, один, из ничего, из трех книг фактически, у которых одна репродукция в книге «Зажигайте сердца» зеленая (к примеру, «Огни победы»), а у товарища (он купил такую же) она вся красная. В таком случае я делал цвет, как понимал, в своей гамме, стараясь приблизиться к оригиналу, и чтобы все было гармонично.

К тому же у нас нет никакой корысти в отношении выставки. Какая может быть корысть, если мы всегда были рады сказать слово о Большом Красивом Человеке, показать его сюжеты людям, когда о нем ранее никто не знал фактически, кроме единиц, десятков, может быть? Где и как только мог, я созванивался через междугородние 09 по музеям, художественным салонам, где были подходящие помещения в другом городе. Кто-то отказывал по разным причинам, а кто меня принимал, я туда и устремлялся. Кроме перевозки, много денег уходило на оплату телефонных разговоров, ибо подолгу и многократно приходилось звонить, все обговаривать, разъяснять, договариваться и т.д., так как я никому не был известен. Но со временем опытность росла, и когда впервые от горисполкома и отдела культуры в Луганске (выставлялся я тогда в художественном музее им. Артема) мне дали первую грамоту о том, что была выставка, что она принесла пользу и т.д., и потом я имел подобные грамоты и из других городов, то это мне помогало, когда я приезжал в следующий город. Потому что ведь никто там меня не знал. Сразу покажу благодарности от горисполкомов, от городского управления культуры, или областного, разверну несколько работ – и им все видно, понятно, и получаю одобрение: «Хорошо, пожалуйста, выставляйтесь!»

Непреренно всегда были мешающие, непонимающие. Всегда. Приходилось преодолевать. Часто все зависело от одного заместителя – директор не против, а заместительша против, и не поймешь, чего, и – реклама уже плохая.

Как пример. Приезжаю я в Миргород (туда 9 часов езды). Мой директор, где я работаю, Михайленко Владимир Константинович, директор Запорожской теплосети, когда я пришел к нему на прием и попросил дать машину, чтобы выставиться в очередной раз (так я искал помощи), говорит мне: «Пиши заявление: прошу спонсировать и т.д.», - и дал мне старый «РАФ». Раньше 37 работ умещались в обычную машину «Волгу» (ГАЗ-24) или «Москвич» на заднем сиденье, в вертикальном положении, а когда их стало больше, то нужна уже была более вместительная машина, «РАФ» или что-то в этом роде. Вышло так, что два года давал машину директор, и я мог выставить по 4 – 5 выставок в году, одна за одной, подряд, в разных городах Украины. Так решился вопрос с транспортом в течение этих двух лет.

И вот приезжаем мы на этом старом «РАФе» в Миргород, вешаем все в прекрасном зале (удивительно, что ЖЭК сделал его для культуры за три года). Да никогда я не слышал такого, чтобы музей находился в ведении ЖЭКа; видимо, в разных местах есть свои местные условия для таких работ. Молодой, худощавый, всего 23 года, парень, уже директор. Оказывается, что он состоял в Полтавском отделении Руха и руководил отделением Руха в Миргороде. Фактически, он и загубил выставку своим отношением. Неподалеку от этого Краеведческого музея отдыхающие воду пьют, лечатся, и я повесил там 8 афиш. Тешу себя мыслью, что люди мимо будут ходить, увидят и пойдут на выставку, и что вы думаете, он посрылвал все мои афиши, и когда я через месяц

приехал, афиш давно не было. Выставка висела, и почти никто не знал, что она есть.

Весь штат его – шесть женщин. Оказалось, что выставку посетило всего 250 человек, а женщины успокаивают: «Не волнуйтесь, мы перевыполнили план в несколько раз, так как у нас за месяц всего 70 человек проходит». Следовательно, совершенно директор не работает на просвещение. К тому же еще и напал на Рериха: «Да он же космополит». Представляете, он считает его космополитом, потому плохим, оттого посдирает все афиши. Вот такое кощунство, еле я перенес такое надругательство.

Забираю выставку, везу в Днепродзержинск в тот же день. Город весь в трубах, дымит все, при въезде его и не видно. Но в городе имеется большой двухэтажный Исторический музей. Я, как всегда, говорю: «Мне ничего не надо. У нас все выставки бесплатные!» В этом музее был платный вход – 60 копеек. И что вы думаете, через месяц приезжаю, а посетили выставку 15000 человек! Мне еще директор дала две бумаги: на одной, что была выставка, а на другой, что ее посетило 15 тысяч человек (за месяц и 7 дней, открыт же был музей только 4 дня в неделю).

60 копеек за билет тогда было дороговато. И люди, рабочие люди (я думал, что они не пойдут туда) шли и шли (15 тысяч!), даже большая статья была в газете: «Дорога до Рериха». Сама директорша сделала и вывесила красный транспарант 6 метров в длину на полметра в ширину с этой надписью.

Вот так часто от одного человека все зависит. Заместительница ее – ей до лампочки все было – попивала кофеек и все мне предлагала: «Хотите?» (с маленькой такой чашечки, и он курился так; она придет утром и сразу за кофеек, и днем по многу раз, и прямо млеет от этого кофейка). Одним словом, палец о палец не ударила, директорша же очень дорбожелательно приняла все, когда я развешивал, подошла, послушала меня 10 минут и говорит: «Я поняла, вы нас зажгли!» Затем позвала из Управления культуры и образования двух женщин, я им рассказывал минут тридцать обо всем, и о смысле картин, и они ушли довольные. И посчитайте теперь 15000 x 60 коп. = 9 тыс. минус НДС 1800 = 7200 чистого дохода за один месяц получила директорша (голова у нее работала), сама получила пользу материальную, и много людей получили радость, отраженную в отзывах. Такое противоположение, такой поразительный результат: 250 человек в Миргороде и 15 тысяч в Днепродзержинске.

Все при выставках, конечно, нельзя было предвидеть, хотя я пытался каждый раз по максимуму призвать людей, чтобы как можно больше людей познакомились с этими Великими Именами, Их Жизнью. И как я всегда говорю и еще раз повторяю: «Для нас главное – сказать слово о Большом Красивом Человеке и всей его семье». Как только открывается выставка, мы стараемся, сколько можем, сказать это слово достойно о всей семье Рерихов.

Мы любим Рерихов.

Ведь можно просто любить!

Орленко Г.П. г. Запорожье 2006 год